

Министерство культуры Российской Федерации
Санкт-Петербургская государственная консерватория
имени Н. А. Римского-Корсакова

В рамках Года культуры в Российской Федерации

Фольклорные традиции
Севера и Северо-Запада России:
ареальные исследования
в контексте этнокультурных взаимосвязей

Тезисы докладов
Всероссийской научной конференции
(27–30 сентября 2014 года)

Санкт-Петербург
Университетские Образовательные Округа
2014

УДК 781.7:398:908
ББК 71.083:85.31:82.3:63.5
Ф75

Фольклорные традиции Севера и Северо-Запада России: ареальные исследования в контексте этнокультурных взаимосвязей: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции (27–30 сентября 2014 года) / Министерство культуры РФ; Санкт-Петербургская гос. консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова [Науч. ред.: Г. В. Лобкова]. – Санкт-Петербург: Университетские Образовательные Округа, 2014. – 96 с.

Печатается по решению Редакционно-издательского совета
Санкт-Петербургской государственной консерватории
имени Н. А. Римского-Корсакова

ISBN 978-5-4416-0018-7

Рецензенты:

кандидат искусствоведения А. Ф. Некрылова,
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
доктор искусствоведения, профессор Э. М. Гусейнова,
Санкт-Петербургская государственная консерватория
имени Н. А. Римского-Корсакова

В сборнике опубликованы тезисы докладов Всероссийской научной конференции «Фольклорные традиции Севера и Северо-Запада России: ареальные исследования в контексте этнокультурных взаимосвязей» (27–30 сентября 2014 года). В издании раскрываются актуальные проблемы современной этномузыкологии, фольклористики и этнолингвистики, связанные с основными направлениями и методами ареальных исследований традиций народной культуры Севера и Северо-Запада России; приводятся результаты изучения эпических жанров и народной прозы, обрядового фольклора, лирических песен, песенно-хореографических и инструментальных форм; затрагиваются вопросы этнокультурных параллелей и межэтнических взаимосвязей. Сборник адресован специалистам в области музыковедения, этномузыкологии, фольклористики, этнолингвистики и этнологии.

Проведение конференции и настоящее издание осуществлены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 14-04-14023 г.

ISBN 978-5-4416-0018-7

© Авторы публикаций, 2014
© Санкт-Петербургская государственная
консерватория имени Н. А. Римского-Корсакова, 2014
© Университетские Образовательные Округа, 2014

От редактора

Всероссийская научная конференция «Фольклорные традиции Севера и Северо-Запада России: ареальные исследования в контексте этнокультурных взаимосвязей» (27–30 сентября 2014 года) проводится в рамках Года культуры в Российской Федерации, в процессе реализации проекта научных исследований «Музыкально-поэтический фольклор Устьи: проблема региональной составляющей севернорусской народной культуры (материалы к “Своду русского фольклора”)» (№ 12-04-00349 а), при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 14-04-14023 г).

Конференция организована Санкт-Петербургской государственной консерваторией имени Н. А. Римского-Корсакова (кафедрой этномузыкологии, Фольклорно-этнографическим центром имени А. М. Мехнецова) совместно с Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (Отделом русского фольклора, Фонограммархивом). Актуальность проведения конференции состоит в необходимости обобщения результатов изучения традиций народной культуры Севера и Северо-Запада России и совершенствования методов ареальных исследований, выработанных в различных сферах гуманитарной науки – в области этномузыкологии, фольклористики, этнолингвистики. Одной из целей конференции является обсуждение проблемы современного состояния нематериального культурного наследия Севера и Северо-Запада России и программных мер по его сохранению и развитию. Конференция направлена на объединение усилий научной общественности в целях подготовки к изданию серии публикаций документальных фольклорно-этнографических материалов по региональному принципу.

Уровень фундаментальности проблематики конференции связан с определением границ распространения этнокультурных комплексов на территории Севера и Северо-Запада России по результатам экспедиционной работы, осуществляемой с конца XIX века по настоящее время. Важную роль играют этномузыкологические и лингвофольклористические исследования, направленные на выяснение жанровых комплексов, структурно-стилевых закономерностей и особенностей фольклорных традиций, а также на выявление центральных и периферийных компонентов системы. Одним из ключевых аспектов, составляющих наиболее дискуссионную часть проблематики конференции, является вопрос о межэтнических взаимосвязях и этнокультурных

параллелях, имеющий основополагающее значение при решении задач исторической оценки собранных в ходе экспедиций и имеющихся в ранних публикациях фольклорно-этнографических материалов. В связи с этим аспектом представлен ряд докладов, посвященных типологически родственным явлениям народной культуры в различных регионах России, Беларуси, Украины, других стран.

Научная новизна данного мероприятия состоит в установке на ареальный и типологический подходы при изучении традиций народной культуры, в комплексном (всестороннем, системном) исследовании фольклорно-этнографических источников, во введении в научный оборот ранее неизвестных архивных и экспедиционных материалов.

Г. В. Лобкова

I

**АРЕАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ФОЛЬКЛОРНЫХ ТРАДИЦИЙ:
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И МЕТОДЫ,
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ**

Теплова Ирина Борисовна
доцент кафедры этномузыкологии,
редактор Фольклорно-этнографического центра
имени А. М. Мехнецова
Санкт-Петербургской государственной
консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова,
кандидат искусствоведения

**Локальные традиции Русского Севера
в материалах Песенной комиссии
Императорского Русского географического общества**

На первом заседании Песенной комиссии Императорского Русского географического общества, начавшей свою работу в 1885 году, было принято единодушное решение о необходимости обследования прежде всего северных губерний России, а также центральных, расположенных по Волге и, преимущественно, в бассейне Оки. Это решение определило перспективу выбора основных направлений экспедиционной работы практически на весь период функционирования Комиссии.

Наиболее значительным является вклад первых экспедиций Песенной комиссии 1886 и 1893 годов в формирование научного знания о традиционной культуре Русского Севера. Результаты работы участников экспедиций – Ф. М. Истомина, О. Г. Дютша и С. М. Ляпунова – представлены в двух сборниках: «Песни русского народа, собранные в губерниях Олонецкой, Архангельской, Вологодской» (1894), «Песни русского народа, собранные в губерниях Вологодской, Вятской, Костромской» (1899). Это не только музыкально-поэтические тексты, но и справочный аппарат, обобщен-

ния научного характера в предисловиях, которые можно охарактеризовать как первый опыт изучения локальных культурных традиций Русского Севера. Особое значение имеют нотации эпических напевов, сольных и хоровых причитаний – жанров, в первую очередь определяющих особенности северно-русской народно-песенной культуры. В числе материалов, отражающих специфические свойства северно-русской культуры, – неопубликованные нотации народных песен, преимущественно лирических (около 130 нотаций, включая предварительные наброски, выполненные в экспедиции 1893 года), «Дневник путешествия в Вологодскую, Вятскую, Костромскую губернию с целью записи народных песен летом 1893 года», составленный С. М. Ляпуновым.

Слуховые нотации народной музыки, выполненные в конце XIX века О. Г. Дютшем и С. М. Ляпуновым, могут быть использованы как научно достоверные образцы записи народной музыки, значительно дополняющие существующие коллекции. Собрание фольклорных материалов, зафиксированных в экспедициях Песенной комиссии на Русский Север, принадлежит «золотому фонду» отечественной этномузыкологии. Для современных исследований эти музыкально-поэтические тексты перспективны с точки зрения сравнительных сопоставлений.

Шупак Галина Николаевна

ведущий специалист по учетно-хранительской документации Фольклорно-этнографического центра имени А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова, научный сотрудник Фонограммархива Отдела русского фольклора Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Музыкально-этнографическая экспедиция пермского Научного этнографического общества на Печору (из истории фольклористики)

Доклад посвящен малоизвестным страницам истории отечественной фольклористики, связанным с изучением традиционной культуры Русского Севера и Прикамья.

В 1930 году Научное этнографическое общество при Пермском государственном университете организовало две фольклорно-этногра-

фические экспедиции. Участники одной из них – Гавриил Ильич Марков и Валентин Николаевич Серебренников – направились на север, в Коми-область¹, с целью обследовать Печорский край в музыкально-этнографическом отношении, собрать материалы по местным говорам, народному быту и творчеству. Среди точек первоначально запланированного маршрута значились Чердынь, Якша, Троицко-Печорск, конечным пунктом поездки должна была стать Усть-Цильма.

В. Н. Серебренников, доехав до Якшинской пристани (в Троицко-Печорском районе Коми-области), вынужден был в силу неизвестных нам обстоятельств вернуться в Пермь. Среди материалов собирателя сохранилась тетрадь с записями, сделанными им за период с 22 августа по 16 сентября. Большую часть рукописи занимают образцы свадебного фольклора (6 поэтических текстов свадебных плачей и наговор дружки), записанные в деревне Гадья Ныробского района Уральской области от крестьянки В. А. Исаковой, 44 лет. Кроме того, в тетради содержатся тексты пословиц, поговорок, присловий и загадок, которые В. Н. Серебренников фиксировал по дороге и на пароходе; представлены также народные способы лечения некоторых болезней и сведения о полезных ископаемых и археологических находках на территории Верхнего Прикамья. Важная информация о маршруте передвижений и денежных расходах фольклористов содержится в финансовом отчете В. Н. Серебренникова².

Расставшись с В. Н. Серебренниковым, Г. И. Марков продолжил свой путь по Печоре, преодолев внушительное расстояние от верховьев реки до самого ее устья, а затем вернувшись в Пермь через Ледовитый океан, Архангельск, Северную Двину и Котлас. Свои впечатления от поездки он обобщил в форме «Доклада-дневника», в котором подробно изложил события каждого дня путешествия, продолжавшегося с конца августа до начала октября³. Фонографа в распоряжении Г. И. Маркова не было, поэтому ему пришлось прибегнуть к привычному для него способу слуховой записи напевов. На

¹ Официальное наименование региона в период с 1921 по 1936 год – Автономная область Коми (Зырян).

² Материалы В. Н. Серебренникова представлены в фонде П. С. Богословского, хранящемся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН: РО ИРЛИ. Ф. 690. Оп. 5. № 105.

³ Оригинал путевого дневника Г. И. Маркова хранится в Государственном архиве Пермского края: Марков Г. И. Доклад-дневник: «Музыкально-этнографическое обследование Печорского края, Коми-области (август–октябрь 1930 г.)». Рыльск, 1930 // ГАПК. Ф. Р-973. Оп. 1. № 280. 75 л.

основе песенных образцов, записанных на Печоре, Г. И. Марков подготовил сборник музыкально-этнографических материалов¹. Сборник состоит преимущественно из лирических, хороводных и игровых песен, большая часть из которых приводится с напевами (19 образцов) и полными поэтическими текстами. Большой интерес представляет фрагмент сценария «колядной игры» под названием «Шайка розбоев», записанный со слов С. П. Пыстина – столетнего сказителя из города Троицко-Печорска (приводится также его биография). Кроме того, в сборник включены тексты загадок, поговорок, прибауток, диалектные слова и выражения народной речи.

В докладе раскрываются детали путешествия Г. И. Маркова и В. Н. Серебренникова в районы Верхнего Прикамья и Печоры, описывается методика их собирательской работы, дается характеристика собранным фольклорным материалам.

Власов Андрей Николаевич
*заведующий Отделом русского фольклора
Института русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН,
доктор филологических наук, профессор*

Значение работы исследователей-краеведов в изучении локальной традиции (на примере материалов по Устьянскому району Архангельской области)²

Устьянская традиция, благодаря собирательской работе и многочисленным, но важным научным публикациям по музыкальному фольклору, получила статус самобытной фольклорной традиции

¹ Сборник хранится в Государственном архиве Пермского края: Марков Г. И. Музыкально-этнографические и другие материалы экспедиции Г. И. Маркова на Печору (август–октябрь 1930 г.) // ГАПК. Ф. Р-973. Оп. 1. № 279. 43 л.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ в рамках научного проекта № 12-04-00349а «Музыкально-поэтический фольклор Устьи: проблема региональной составляющей севернорусской народной культуры (материалы к “Своду русского фольклора”)».

Русского Севера. Однако вне поля зрения исследователей оказалось множество записей устьянского фольклора, сделанных местными любителями, музейными сотрудниками, краеведами, школьными учителями, студентами областных вузов. Возможно, эти материалы позволят, во-первых, восполнить пробел в собирательской практике, который наблюдается с начала XX века по 1970-е годы (более двух поколений носителей традиции), во-вторых, наиболее полно представить жанровый, сюжетный состав памятников устьянского фольклора, систему местных обычаев и верований.

Коллекции архивных материалов, характеризующих устьянские традиции, можно обнаружить в Вельском краеведческом музее. К ним относятся: Сборник песен в записях И. И. Могутова; коллекция фольклорно-этнографических материалов М. И. Романова; Сборник обрядово-бытовых песен Вельского уезда (с нотировкой); фольклорный фонд М. И. Шалауровой-Фёдоровой (1878 г. р.) и другие. В Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН хранятся рукописи М. И. Романова: «Фольклор Устья» и «Словарь Устьянских народных говоров»; в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки – записи М. И. Шалауровой-Фёдоровой.

Сложность введения в научный оборот этих ценных и многочисленных источников заключается не только в том, что они не всегда соответствуют критериям аутентичности с профессиональной точки зрения, но и в том, что материалы разбросаны по разным хранилищам страны или находятся в частных руках и до сих пор остаются в необработанном виде.

Составление словарей является ярким признаком перекодировки устной культуры в письменные формы. Различного рода словари, словники, лексиконы представлены в разных жанровых формах, но их объединяет одно – стремление показать отличие от нормативного общерусского литературного языка и других диалектов. И это массовое увлечение на местах составлением словарей – несомненный признак «саморефлексии» народной традиции.

Многие краеведы оказываются в условиях и обстоятельствах естественного применения на практике полевого метода «вживания» в традицию.

Выявление источниковой базы многих трудов краеведов, использование ее в изучении и исторической реконструкции фольклорной традиции Устья является одной из сложных и важных проблем.

Наиболее значимой фигурой в местном краеведческом движении был Михаил Иванович Романов (1886–1956) из Вельского уезда Вологодской губернии (ныне Вельского района Архангельской обла-

сти), о котором вышел небольшой биографический очерк в 2006 году¹. Им было издано: История одного северного захоластья (В. Устюг, 1925)², в литературном альманахе «Север» за 1936 год – описание коновальского обряда и сказка «Топорик-самосек»³, Родовая повесть семьи Романовых из устьянской деревни Алферовской Архангельской области XVII–XX веков (М., 2004), Хроника старого дома (самиздат).

Королькова Инга Владимировна
доцент кафедры этномузыкологии
Санкт-Петербургской государственной
консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова,
кандидат искусствоведения

Устьянская экспедиция Е. Э. Линёвой в свете полевых записей второй половины XX века⁴

Экспедиция Е. Э. Линёвой по притоку Ваги – реке Устье – проходила в мае-июне 1902 года. Стремление записать песни «чистые», не «смешанные», влекло ее в наиболее удаленные от городов труднодоступные места. Таковыми, по мнению собирательницы, были села

¹ Веревкина Г. А., Мильчик М. И. Михаил Иванович Романов – выдающийся краевед Русского Севера. Штрихи к портрету. Вельск, 2006.

² Первоначально он обратился за поддержкой в Вельский отдел ВОИСК, но получил отказ в связи с отсутствием средств. В итоге книга была напечатана в Великом Устюге, став на долгие годы своеобразной визитной карточкой краеведа, несмотря на последовавшую критику (см.: Веревкина Г. А., Мильчик М. И. Михаил Иванович Романов... С. 17).

³ Север. 1936. С. 116–123.

⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФГНФ в рамках научного проекта № 12-04-00349а «Музыкально-поэтический фольклор Устья: проблема региональной составляющей севернорусской народной культуры (материалы к «Своду русского фольклора»)».

восточнее Чарондского озера, и, в частности, бассейн реки Устья, где, как она писала мужу, «не бывал никто из исследователей»¹.

Маршрут Линёвой пролегал вниз по Сухоне и Северной Двине. Будучи в селе Черевково Сольвычегодского уезда, Линёва встрети-лась со священником Иоанном Белорусовым и советовалась с ним относительно своего дальнейшего пути по Устье. Евгения Эдуардовна продвигалась вниз по течению Устья, начав с деревень Синники, Лихачёво, Михалёво, далее она посетила Никольское (ныне село Строевское), Прилук, Едьму, Шангалы. В Шангалах Линёва вы-нуждена была завершить экспедицию, так как валики, взятые с со-бой (около 100), закончились. В Рукописном отделе ИРЛИ нахо-дятся экспедиционные дневники Линёвой, из которых следует, что собирательницей было записано около 80 образцов песен. Из них в рукописях содержится только 55 текстов.

Рукописные и звуковые материалы Линёвой – ценнейший ис-точник сведений по музыкальному фольклору Устья, опыт первой фиксации народных песен края, осуществленный в период их про-дуктивного бытования. Историческая оценка записей, сделанных в 1902 году, становится возможной в процессе сопоставления матери-алов собирательницы с записями на Устье более поздних лет. Одна из наиболее полных коллекций устьянского фольклора содержится в архиве Фольклорно-этнографического центра имени А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова (экспедиции 1975–1980 годов).

В процессе сравнения полевых материалов второй половины XX века с архивом Е. Э. Линёвой обнаруживается, что они существен-но дополняют друг друга. Различие маршрутов этих экспедиций дает возможность обратить внимание на записи Линёвой из села Шангалы, поскольку участники экспедиций 1970–1980-х годов не работали в этом селе. Между тем, в Шангалах собирательницей были зафиксированы ценнейшие образцы свадебных причитаний, включенных в различные обрядовые ситуации (приход невесты из бани, приезд женихов, вывод невесты перед столами), варианты лирических песен, отражающих специфику устьянской традиции в целом («Как у наших у дворянских у ворот», «Как во ельничке было во березничке», «Эко сердце, эко бедное мое»), песенные образцы с балладными сюжетами, имеющими локальное распространение («По край речки, по край быстрой», «Во садике гуляла я»).

¹ Линёва Е. Э. Письма к мужу: Написаны летом 1901 года во время экспедиций по селам Новгородской губернии / Подг. текста, вступ. ст. и комм. Д. В. Смир-нова. М., 2011. С. 31.

Список образцов устьянского фольклора из собрания Линёвой позволяет расширить сложившееся на основе материалов экспедиций Санкт-Петербургской государственной консерватории представление о составе репертуара. Интерес представляют зафиксированная ею песенная форма с эпическим зачином текста «Как из далеча из чиста поля, из раздолыца широкого вылетал ясен сокол», исполняемая в деревне Лихачёво на свадьбе жениху. В селе Едьма Линёвой удалось обнаружить одну из реликтовых форм бытования свадебных песен в мужском исполнении в обряде опевания жениха («В лете калина»). Наконец, заслуживают внимания образцы песен, названных ею «рождественскими», среди них — образцы, включенные в ритуал обхода дворов («Прикажи нам, хозяин, по избе пройди», д. Михалёво), и святочные хороводы («Я по сеням шла, по новым стояла», с. Синники).

Большой объем песен, записанных Линёвой на Устье, связан с балладными сюжетами. Развернутые поэтические тексты были зафиксированы в селах Синники и Никольское («Молодость моя, молодецкая», «В которое время черемушка цвела»).

Валевская Екатерина Александровна
главный хранитель фондов
Фольклорно-этнографического центра
имени А. М. Мехнецова
Санкт-Петербургской государственной
консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова

Фольклор Устья в документальных записях экспедиций Ленинградской консерватории 1970-х годов (общая характеристика коллекций)¹

Архив Фольклорно-этнографического центра имени А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова содержит 8 коллекций

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 12-04-00349а «Музыкально-поэтический фольклор Устья: проблема региональной составляющей севернорусской народной культуры (материалы к “Своду русского фольклора”)».

Основного аудиофонда, собранных в 6 экспедициях Ленинградской консерватории (1975–1978) в Устьянский район Архангельской области, а также записи, сделанные стационарно, в дни приезда народных исполнителей в Ленинград (1979, 1980). Звукозаписи в количестве более 1700 образцов содержатся на 80 катушках магнитной ленты (продолжительностью один час звучания каждая)¹. Рукописный фонд данных коллекций насчитывает более 100 единиц хранения (полевых тетрадей и других документов).

Экспедиционная работа проводилась при участии писателя Д. М. Балашова, сотрудников Ленинградской консерватории А. М. Мехнецова (руководитель двух экспедиций 1978 года), Ю. И. Марченко (руководитель самостоятельных экспедиционных групп 1975, 1977, 1980 годов), Е. И. Мельник (Якубовской), студентов Н. Н. Камневой (Артёменко), А. Н. Захарова, Н. М. Светличной. Общее число участников экспедиций – 25 человек.

Тщательным фронтальным обследованием были охвачены 63 населенных пункта Устьянского района. Сделаны записи лирических, свадебных, плясовых и хороводных песен, причитаний, частушек, инструментальной музыки, форм словесного фольклора. Зафиксированы сведения этнографического характера по обрядам жизненного цикла, трудовым обычаям. Важным фактом является и то, что в записях раскрываются особенности звучания местного говора.

Главным событием собирательской работы на Устье стала запись прекрасно сохранившихся лирических песен раннего историко-культурного пласта, занимающих доминирующее положение в данной традиции, что нашло отражение в известном двухтомнике, изданном по материалам устьянских экспедиций². Весь остальной корпус экспедиционных материалов до сих пор не известен научной общественности. Богатейшая в научном и художественном отношении традиция, являющаяся частью севернорусской народной культуры, представляет собой памятник общенационального значения. Ее исследование – серьезный этап в осуществлении работ по созданию «Свода русского фольклора».

¹ В настоящее время звукозаписи оцифрованы и переведены на новые носители.

² Устьянские песни / Сост. А. М. Мехнецов, Ю. И. Марченко, Е. И. Мельник. Л., 1983, 1984. Вып. 1, 2. Вып. 1 – 80 с. Вып. 2 – 136 с.

Лобкова Галина Владимировна
*заведующая кафедрой этномузыкологии,
руководитель по научной работе
Фольклорно-этнографического центра
имени А. М. Мехнецова
Санкт-Петербургской государственной
консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова,
кандидат искусствоведения*

Традиции народной культуры Устьянского района Архангельской области в синхронном и диахронном срезе¹

Традиции народной культуры Устьянского района Архангельской области привлекали внимание многих собирателей, исследователей русского музыкального фольклора. В архивах содержатся рукописные собрания местных краеведов 1870–1930-х годов, материалы экспедиции Е. Э. Линёвой 1902 года. В 1970–2000-е годы, после длительного перерыва, на территорию района выезжает несколько специализированных экспедиций Санкт-Петербургской государственной консерватории, Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Российского института истории искусств, Санкт-Петербургского государственного университета, ведется аудиозапись, а с 2000-х годов и видеосъемка народных песен, инструментальных наигрышей, жанров народной прозы, воспоминаний о празднично-обрядовой жизни.

Несмотря на это, в настоящее время не сложилось целостного представления об исторической многослойности, разнообразии фольклорных явлений, не выделены главные типологические признаки устьянских фольклорных традиций. Причины состоят не только в том, что большая часть собранных материалов не опубликована, архивы труднодоступны и источники неизвестны, но и в некоторых проблемах, связанных с методикой экспедиционной работы:

1) собиратели, обращаясь к народным традициям на различных этапах истории, в зависимости от ситуации и собственных целей, фиксировали материал выборочно, уделяли особое внимание опре-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 12-04-00349а «Музыкально-поэтический фольклор Устья: проблема региональной составляющей севернорусской народной культуры (материалы к “Своду русского фольклора”)».

деленным жанрам, не всегда вели опрос о контексте исполнения песен и наигрышей; например, в ходе экспедиций Консерватории первоочередная задача была связана с записью песенного фольклора, в то время как инструментальная музыка в большей степени интересовала собирателей 1990-х годов (записи Л. М. Ивлевой, У. Моргенштерна, В. Л. Мырина); жанры народной прозы и воспоминания о народных праздниках и обрядах содержатся в коллекциях Санкт-Петербургского университета;

2) не вся территория района в равной степени подробно обследована; наибольший охват деревень был осуществлен в ходе двух экспедиций Санкт-Петербургской (Ленинградской) консерватории 1978 года¹ (под руководством А. М. Мехнецова) – звукозаписи были сделаны в 59 населенных пунктах 12 сельских советов.

Кроме того, требуется согласованная программа и научный подход в процессе комплексного издания (свода) документальных источников.

Сопоставление собранных в разные годы материалов заставляет задуматься, прежде всего, о верности тезиса, который постоянно повторял А. М. Мехнецов: «Лицо традиции отражает собиратель». В то же время с неизбежностью приходится констатировать тот факт, что на глазах последнего поколения исследователей традиция претерпевала изменения и постепенно исчезала. Многие единичные записи прошлых лет сегодня нет возможности повторить и дополнить.

В ходе экспедиции Санкт-Петербургской консерватории 2013 года в Устьянском районе было обследовано более 50 деревень, но удалось записать лишь отдельные образцы песенного, инструментального, хореографического фольклора и народной прозы. Изменения касаются и объема репертуара, и его качественных характеристик. Утраты наблюдаются в сфере певческого и инструментального стилей, составляющих богатство и своеобразие устьянских традиций, свидетельствующих об их исторической глубине. В современных условиях собиратели фольклора должны изменить стратегию полевой работы, развивать постоянные творческие связи с местными центрами сохранения и восстановления народной традиционной культуры, оказывать им практическую и методическую помощь.

¹ В 1975 и 1977 годах выезды на территорию Устьянского района экспедиционной группы Ленинградской консерватории под руководством Ю. И. Марченко имели разведывательный характер; в 1979 и 1980 годах ансамбли из деревень Кузоверской и Михалёво посетили Ленинград, выступили с концертами и были записаны на студии «Мелодия». В 1980 году группа Ю. И. Марченко посетила д. Красный Бор Чадромского с/с.

Редькова Евгения Сергеевна

*доцент кафедры этномузыкологии,
заведующая Кабинетом народного
музыкального творчества*

*Санкт-Петербургской государственной
консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова,
кандидат искусствоведения*

**К вопросу о «звуковом идеале» песенной традиции
Нижней Устьи: по материалам фольклорных экспедиций
Санкт-Петербургской (Ленинградской) консерватории
в Устьянский и Вельский районы Архангельской области¹**

Осмысление стилового своеобразия песенных традиций, уникальности их музыкально-исполнительского облика сопряжено с поиском «звукового идеала». В сознании народных исполнителей, проживающих в районах нижнего течения реки Устьи (Чадромского сельского совета Устьянского района и Благовещенского сельского совета Вельского района), он связан с особой манерой пения тонким голосом (в высоком регистре, собранным звуком на активном дыхании с обильным применением мелизматики, с опорой на «головное» резонирование). Специфические черты «тонкого» пения также проявляются в темповых, тесситурно-тембровых свойствах, типе фактуры и соотношении голосов в процессе пения, принципах мелодического развертывания.

В экспедициях 1977 и 1980 годов под руководством Ю. И. Марченко были записаны ансамбли, исполняющие тонким голосом причитания, лирические и хороводные песни – основной корпус жанров, свидетельствующих о богатстве и глубине певческих традиций Нижней Устьи. Усилия экспедиции 2013 года были направлены на фиксацию сведений о свойствах пения «тонким» или «толстым» голосом, рассказов народных исполнителей о ситуациях и особенностях пения, их трактовки «звукового идеала» (эстетического канона пения), а также на поиск местной терминологии о пении.

Особого внимания заслуживает вопрос о соотношении «тонкого» и «толстого» голосов в процессе пения, поскольку суждения народ-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 12-04-00349а «Музыкально-поэтический фольклор Устьи: проблема региональной составляющей севернорусской народной культуры (материалы к “Своду русского фольклора”)».

ных исполнителей о том, какой вид пения («тонким» голосом или одновременно и «тонким», и «толстым») более традиционен и соответствует эстетическому канону, различаются. Звучание определялось ситуацией пения, составом ансамбля, в том числе — половозрастными особенностями его участников. Расслоение голосов в традиции считалось нормативным, если складывалось в результате совместного пения пожилых и молодых женщин («старушки могли толстым петь, девушки — тонким»), или если пели женщины, тембры голосов которых были различны («у кого-то повыше голос, у кого-то и тонкий голос — как-то спевались все»; «кто как пел: кто тонкий голос-от, а у кого и толстой голос»), а также при совместном пении мужчин и женщин.

Дранникова Наталья Васильевна
*профессор кафедры языков северных стран
и научной коммуникации
Северного Арктического федерального
университета имени М. В. Ломоносова,
доктор филологических наук*

К вопросу о методологии ареальных исследований: опыт работы Центра изучения традиционной культуры Европейского Севера

Центр изучения традиционной культуры Европейского Севера Северного Арктического федерального университета имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск) занимается ареальными исследованиями фольклора Архангельской области на протяжении двадцати последних лет. С этой целью были разработаны различные вопросники. Материал собирают самостоятельно студенты-филологи и участники фольклорных экспедиций под руководством Н. В. Дранниковой. Все материалы экспедиций находятся в архиве Центра изучения традиционной культуры Европейского Севера.

На территории Архангельской области можно выделить несколько крупных ареалов: северо-восточный, юго-западный и ареал, который составляют районы, входившие ранее в состав Вологодской губернии. Наши исследования в большей степени касаются северо-восточной части Архангельской области и таких ее этнокультурных ареалов, как Пинежье и Зимний берег Белого моря. В 1990–2000-е годы там

проходили многочисленные фольклорно-этнографические экспедиции Университета. Пинежье является сельскохозяйственным районом с аграрным типом народной культуры. Зимний берег имеет промысловый тип культуры. Особенно интересен для изучения поморский календарь, в котором нашли отражение как традиционные для русского населения аграрные обрядовые практики, так и промысловые, что объясняется прежде всего формированием поморской культуры в особых природных условиях: суровый климат (прохладное лето и длительная холодная зима); недостаток плодородных земель и обилие лесных и водных ресурсов. Опыт ареальных исследований представлен в различных изданиях, например, в книгах: «Архангельские сказки» (сост., автор вступ. ст. Н. В. Дранникова. Архангельск, 2002); «Чудь в устной традиции Архангельского Севера» (сост., автор вступ. ст. Н. В. Дранникова. Архангельск, 2008); «Мифологические рассказы Архангельской области» (сост., авторы вступ. ст. Н. В. Дранникова и И. А. Разумова. М., ОГИ, 2009).

Сделанные нами наблюдения пока только намечают пути к более строгому и детальному изучению региональных особенностей и локальных вариаций традиционной культуры на Русском Севере, но можно с уверенностью констатировать наличие и характер определенных отличий в тех или иных микроареалах. Отличия эти связаны с целым комплексом факторов: хозяйственно-культурных, ландшафтно-географических, этносоциальных. Существенное значение имеют межкультурные контакты, поскольку архангельская фольклорная традиция, особенно в ее пограничных зонах, связана с коми и ненецкой.

Иванова Анна Александровна

доцент кафедры русского устного народного творчества филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, кандидат филологических наук

Полимасштабность как феномен пространственной структурированности живой фольклорной традиции

1. Ареальные исследования живой фольклорной традиции должны учитывать ее многоуровневый таксономический характер. Каждый

таксон имеет не только свой пространственный масштаб проявления, но и свой тип соотношения в жанровом, сюжетном и мотивном репертуаре универсального и специфического.

На основе универсального слоя формируется региональная культура доминанта, снимающая остроту противостояния таксонов по принципу свой / чужой: эта часть репертуара представлена на всех уровнях таксономической шкалы – от регионального до идиолектного. Серьезные качественные и количественные изменения в этом слое живой фольклорной традиции обыкновенно свидетельствуют о том, что исследователь имеет дело с границей этнокультурных диалектов.

Специфический слой сориентирован на описание конкретных разномасштабных культурных ландшафтов: причем, чем крупнее масштаб анализа живой фольклорной традиции, тем большим становится удельный вес текстов, имеющих не повсеместное распространение, поскольку сообщаемая в них информация может адекватно считываться на той территории, к которой они привязаны. Действие этого полимасштабного «лифта» можно сравнить с эффектом Google Maps.

2. Взаимоотношения двух обозначенных слоев фольклорной традиции с конкретными культурными ландшафтами (КЛ) выстраиваются по разным сценариям:

специфический репертуар
↑
КЛ

универсальный репертуар
↓
КЛ

В первом случае речь идет о создании оригинальных текстов, выполняющих по преимуществу этноинтегрирующую и одновременно этнодифференцирующую функции, поскольку в народной культуре формулирование самобытности связано с осознанием своих отличий от «других», «соседей». Во втором случае правильнее говорить об адаптации регионального репертуара к культурным ландшафтам более низких таксонов и актуализации в текстах разнообразных местных «реалий» (событий, тем, природных и культурных объектов), значимых для отдельного носителя и / или коллектива. Этот способ наделения текста самоидентификационной функцией можно назвать проективным, поскольку он подразумевает проекцию содержания текста на конкретные территории и социумы. В восприятии жителей деревень эта операция является достаточным основанием для отнесения текста к группе локально значимых, своих.

3. Ареальные исследования живой фольклорной традиции, осуществляемые в разномасштабных проекциях, позволяют предста-

вить ее в системе множественных границ, с каждой из которых связаны определенные качественные ее изменения.

Сысоева Галина Яковлевна

*заведующая кафедрой этномузыкологии
Воронежской государственной академии искусств,
заслуженный деятель искусств РФ,
кандидат искусствоведения, профессор*

**Ареальные исследования в этномузыкологии:
на пути к обобщениям**

Анализ современных работ по музыкальной ареалогии показывает, что использование исследователями различных подходов приводит к несопоставимости результатов, невозможности их обобщения и сведения в единую музыкально-диалектологическую карту. В согласовании задач по составлению музыкально-фольклорного атласа и выработке критериев возрастает роль музыкальных вузов, где изучается традиционная музыка. Экспедиционные архивы вузов дают возможность сравнивать записи разных лет и наблюдать динамику изменений в локальных песенных традициях.

Музыкальные диалекты как живое явление в настоящее время в сильнейшей степени трансформируются, испытывая как влияние извне, так и недостаток внутренней энергии (инерции) для сохранения певческой традиции в условиях меняющейся парадигмы современной культурной жизни. Макро-изменения в области традиционной культуры, прежде всего, затронули сферу самоидентификации (кто мы?), а это означает, что происходят изменения в языке, стереотипе поведения, ментальности, системе ценностей традиционной культуры, в том числе и в музыкальном языке. В области музыкального диалекта происходит не только упрощение, сокращение, забвение музыкальной лексики, но и ее обновление, что приводит к изменению ареалов некоторых музыкально-фольклорных признаков (чаще всего – к укрупнению), к появлению новой мифопоэтической аргументации в обосновании местных обычаев. Многочисленные примеры из Центрально-Черноземных областей это доказывают.

Этномузыкология еще не создала атлас ареалов обособленных традиционных музыкальных культур, как уже происходит размывание их границ. Критерии выделения традиционных певческих стилей и новых ареалов, их размежевание — актуальная задача этномузыкологии.

Один из реальных путей создания музыкально-этнографического атласа — межвузовская координация этномузыкологов в рамках специальной научной программы. Для решения этой программы могут и должны быть привлечены и другие музыкально-фольклорные архивы.

Ромодин Александр Вадимович

*исполняющий обязанности
заведующего сектором фольклора,
старший научный сотрудник
Российского института истории искусств,
кандидат искусствоведения*

Личное и традиционное в локальной музыкальной культуре

Различные аспекты изучения конкретной традиции (музыкально-структурные, этнографические) не могут быть изолированными от ее антропологической составляющей. Лишь в соотношении личного и традиционного начал с подлинной глубиной выявляется стилистика локальной культуры. Вне обращения к человеку невозможно обнаружение неповторимых особенностей музыкального диалекта. В проблематику ареальных исследований Севера и Северо-Запада России, со всем богатством их местных традиций, непременно должны включаться психологические аспекты. Концептуальная основа изучения любой музыкальной (вокальной, инструментальной) культуры состоит в корреляции, с одной стороны, взглядов и представлений певцов, инструменталистов о своей традиции, с другой стороны — стационарных наблюдений, аналитических приемов исследователя (в том числе, вновь открываемых). Черты локального стиля выявляются во множестве разнообразных традиционных элементов, характеристик, свойств, при этом все они объединены основополагающим — человеческим — началом культуры.

Сивова Вера Матвеевна

*заведующая кафедрой
русского народного песенного искусства
Санкт-Петербургского государственного
университета культуры и искусств,
заслуженный работник культуры РФ,
кандидат педагогических наук, профессор*

**Фольклорные традиции Русского Севера как важнейший
компонент в создании петербургской школы народного пения.
Педагогическая деятельность А. А. Эповой (1903–1982)**

В декабре 2013 года исполнилось 110 лет со дня рождения Анны Алексеевны Эповой — уникальной личности в истории вокальной педагогики второй половины прошлого столетия, оперной певицы, педагога, общественного деятеля.

В 1964 году А. А. Эпова начала педагогическую деятельность на отделении народного пения Музыкального училища имени Н. А. Римского-Корсакова. А. А. Эпова по праву считается одним из создателей петербургской школы народного пения, основанной на фольклорных традициях мастеров-песенников Русского Севера, к которым она сама принадлежала. В преподавательской работе она использовала песни и приемы пения родной Вычегды. В практической деятельности по освоению северного диалекта применяла упражнения-скороговорки с «цокающим» и «окающим» говорком, которые развивали фонетический слух и вокальное мышление, позволяли выработать интонации подлинной народной речи, активизировали работу мышц артикуляционного аппарата. Для развития у студентов навыков кантиленного пения использовала протяжные песни.

В семидесятых годах прошлого века А. А. Эпова несколько лет проработала консультантом Северной группы хора и классов постановки голоса в Ленинградском государственном институте культуры имени Н. К. Крупской.

В настоящее время на кафедре русского народного песенного искусства Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств проводится большая работа по изучению педагогического и творческого наследия Анны Алексеевны Эповой, результатом которой стали статьи и три, успешно защищенные, выпускные квалификационные работы.

II РЕЗУЛЬТАТЫ АРЕАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЭПИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ И ЖАНРОВ НАРОДНОЙ ПРОЗЫ

Левкиевская Елена Евгеньевна
ведущий научный сотрудник
Института славяноведения РАН,
доктор филологических наук

Проблемы диалектного изучения севернорусской мифологии

Для ареального членения языковых диалектов Русского Севера одной из наиболее важных границ является граница между Восточной и Западной группами севернорусских говоров. На примере некоторых мифологических мотивов, а также типов наименования мифологических персонажей можно убедиться в том, что данная граница актуальна не только для языковых диалектов, но и для диалектов традиционной культуры, по крайней мере, для мифологии.

Картографирование мифологической лексики показывает, что для исследуемой территории характерны две разных словообразовательных модели в наименованиях демонических существ. Первый тип показателен для восточных территорий Русского Севера (включая Каргопольский район Архангельской области) и Средней Волги, где наряду с нейтральными обозначениями персонажа (типа *домовой*) распространены диминутивы с суффиксами – *ушк/юшк*, реже – *ейк-*, *унк-*, *к-*: (*дедушко-домовеюшко*, *хозяйнушко-батюшко*, *дворовушка*, *дедушка-соседушка* и подобные). Второй словообразовательный тип характерен для Северо-Запада России (олонец., новгор., псков., твер., смолен., брянск.; реже – моск., тул.), украинской и белорусской традиций. На этих территориях, наряду с нейтральными

ми наименованиями (*домовой, дворовой*) в основном представлена иная словообразовательная модель – с суффиксами *-ик/ник*: *дворовик, жировик, запечник, подполяник, подпольник, дворянник*, а уменьшительные формы имен встречаются исключительно на диалектном стыке Каргополя, Вологодчины и Олонецкой губернии. Данная диалектная черта связывает северо-западную русскую традицию с украинской и белорусской, где названия мифологических персонажей с суффиксом *-ик* являются доминирующими: *домовик/домовык* (черниг., киев., сум., ровен., жит., волин.; гом., витеб., брест.; ср. также названия западнославянских персонажей: пол. *topielnik, piekielnik*).

Эта же граница актуальна и для ряда важных мифологических мотивов, в частности, для представлений о двух основных зооморфных ипостасях домового – ласке и домашней змее (уже). В ареале распространения диминутивных названий типа *домовеюшко* (восточная часть Русского Севера) единственной ипостасью персонажа является ласка. В ареале распространения названий типа *домовик* (западная часть Русского Севера) преобладающей ипостасью является змея/уж, хотя спорадически встречаются и представления о ласке как ипостаси домового или самостоятельном персонаже. Эти и другие примеры показывают, что диалектная граница между Восточной и Западной группами севернорусских говоров одновременно является и важной этнокультурной границей, формирование которой требует более пристального изучения.

Иванова Татьяна Григорьевна

главный научный сотрудник

Отдела русского фольклора Института русской

литературы (Пушкинский Дом) РАН,

профессор кафедры этномузыкологии

Санкт-Петербургской государственной

консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова,

доктор филологических наук

Водская пятина – эпический регион?

Предметом сообщения является один забытый эпизод в истории эпосоведения – записи, сделанные С. И. Гуляевым в Лужском уезде Петербургской губернии. Степан Иванович Гуляев (1805–1888) вошел в историю фольклористики как собиратель, открывший для науки былинную традицию на Алтае. Его причастность к за-

писи песенного эпоса в Петербургской губернии в настоящее время практически забыта, несмотря на то, что тексты, зафиксированные им, напечатаны в знаменитом сборнике П. В. Киреевского. Записи были сделаны в 1840–1850-е годы от крестьянина Ефима Парфеновича Быкова из деревни Чернь Городенского погоста Лужского уезда – былина «Илья Муромец, Ермак и Калин-царь (Мамай)» и «старшая» историческая песня «Кострюк».

Лужская былина содержит исторические реалии, осязаемо связывающие сюжет с событиями 1380 года. Лужский вариант исторической песни о Кострюке также представляет особую редакцию; он относится к так называемой «исторической» версии песни, в которой, в отличие от «эпической», наличествуют явственные реально-исторические черты (привоз для Ивана Грозного невесты из чужой земли, пир в царском дворце, появление чужеземного нахвальщика Кострюка, прототипом которого считается один из братьев второй жены Ивана Грозного Марьи Темрюковны – Михаил или Матрюк).

Былина «Илья Муромец, Ермак и Калин-царь» и историческая песня «Кострюк», записанные С. И. Гуляевым, с полным правом могут быть названы уникальными. Однако уникальность их заключается не только в особых версиях достаточно распространенных сюжетов, а в месте записи. Подчеркнем: это единственные записи песенного эпоса в регионе, который в средневековье составлял Водскую пятину Новгорода.

Тексты лужской былины и исторической песни, при всей их единичности, вписываются в принципиально важную для былиноведения проблему – проблему географического распространения былин. Если исходить из положения, что в средние века в Новгороде была сильная эпическая традиция, объяснение ее быстрого (по сравнению с Обонежьем) исчезновения следует искать в позднесредневековой истории. События второй половины XVI века и Смутного времени привели к тому, что Новгородские земли катастрофически обезлюдели. Песенно-эпическая традиция Водской пятины была кардинально подорвана в начале XVII века. Былинщик Ефим Парфенович Быков из деревни Чернь Городенского погоста к середине XIX века оставался последним из могикан былой новгородской былинной традиции.

Кузнецова Валентина Павловна
*исполняющая обязанности
заведующей Фонограммархивом
Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН,
кандидат филологических наук*

Традиции духовных стихов в Заонежье

На Русском Севере выделяются три района, в которых наиболее распространены духовные стихи: это Поморье, Заонежье и Пудожье. Собрание духовных стихов в Заонежье было начато П. Н. Рыбниковым в 1859 году. Интерес к этому жанру проявил и другой известный собиратель Е. В. Барсов, в 1867 году зафиксировавший стихи в исполнении И. А. Федосовой. От нее же были сделаны повторные записи О. Х. Агреновой-Славянской. Произведения этого жанра были в репертуарах сказителей И. Т. Рябинина, В. П. Щеголёнка, И. А. Касьянова, А. Б. Сурикова, Н. С. Богдановой-Зиновьевой и других. Исполнительские традиции поддерживались не только талантливыми сказителями, но и широкой крестьянской средой. Большую роль в распространении духовных стихов сыграли бродячие певцы, а также крестьяне соседних районов, занимавшиеся нищенским промыслом в Заонежье. Духовные стихи имеют календарную приуроченность, преимущественно их исполняли в постные дни, в большинстве случаев – в Великий пост, когда особенно много было стихопевцев в крестьянских домах.

Предварительное обобщение публикаций и архивных источников позволило сделать вывод о том, что в Заонежье было распространено более 20 сюжетов духовных стихов. Среди них в наибольшем количестве вариантов зафиксированы общерусские сюжеты, такие как «Мучения Егория», «Егорий и змей», «Алексей, человек Божий», «Два Лазаря». Меньше были известны стихи: «Голубиная книга», «Плач Адама», «Сон Богородицы», «Милостивая жена милосердная» и другие; редкими являются «Борис и Глеб», «Василий Кесарийский», «Кирик и Улита», «Святитель Никола», «Иосиф Прекрасный». Письменная традиция, по имеющимся материалам, почти не прослеживается. Произведения, встречающиеся в старобрядческих стиховниках, в устном исполнении единичны. Духовные стихи эпического склада наиболее характерны для заонежской тради-

ции, длительное время они существовали вместе с былинным эпосом и сохранили классические формы.

Шейченко Мария Николаевна

специалист по фольклору Фольклорно-этнографического центра имени А. М. Мехнецова, аспирант Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова

**Особенности напевов духовных стихов Беломорья
в записях Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН**

Беломорье – край удивительный, заповедная территория, колыбель русской эпической традиции. В процессе полевых исследований, проходивших на протяжении XX века, напевы духовных стихов были зафиксированы исследователями на всем побережье Белого моря.

Запись эпических напевов Беломорья впервые была осуществлена в 1886 году в ходе экспедиции Песенной комиссии Русского географического общества. В числе других жанров были зафиксированы духовные стихи. В нотации Г. О. Дютша представлены напевы, записи которых были сделаны в городе Онега и деревне Андозеро.

В начале XX века на Русский Север были отправлены экспедиции с использованием фонографа. В 1901 году А. Л. Маслов записал напевы беломорских духовных стихов. Часть этих нотаций составляют слуховые записи, другие расшифрованы с фонографических валиков. В издании «Беломорские старины и духовные стихи» приводится 20 напевов, записанных в экспедиции 1901 года в деревнях: Верхняя Зимняя Золотица, Нижняя Зимняя Золотица, Кандалакша, Федосеево, Варзуга и Кузомень. После экспедиции 1901 года А. Л. Маслов нотирует еще 22 напева, записанные на Поморском берегу Белого моря в деревнях Вирьма и Гридино.

В Фонограммархиве Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН хранится собрание духовных стихов Русского Севера. Звуковые записи стихов были сделаны в 1960–1980-х годах, в том числе и на территории Беломорья, в селах

Колежма, Нюхча, Поньгома, Варзуга, Калгалакша, Сумский Посад, Шурецкое, Оленица.

Сюжеты духовных стихов, распространенных на территории Беломорья, весьма разнообразны. В начале века их было зафиксировано около 30: «Василий Кесарийский», «Встреча инока со Христом», «Алексей, человек Божий», «Князь Владимир и его сыновья», «Страшный Суд», «Егорий Храбрый», «Сон Богородицы», «Рождество Христово», «Вознесение Христово» и другие.

Анализ напевов позволяет проследить единство эпической традиции побережья Белого моря. Это родство проявляется в наличии напевов, общих для всей обозначенной территории. К таким напевам относятся варианты стиха о «Егории». Отличительными чертами напева этого стиха являются: слогоритмический период, опирающийся на десятисложный тонический стих, строфическая структура, секундовое соподчинение окончаний первой и второй строк. Другой типовой напев связан с сюжетами «Алексей, человек Божий», «Сон Богородицы», «Вознесение» и другими. Его отличает одностиховая структура и характерный заключительный квартетный мелодический оборот.

Нотации и фонографические записи, сохранившие для нас исполнительскую традицию начала века, в сопоставлении с образцами, зафиксированными исследователями в экспедициях второй половины XX века, позволяют провести сравнительный анализ и определить историческую динамику традиции, а также обозначить роль конкретного исполнителя в традиции.

Склярова Евгения Анатольевна

хранитель фондов Фольклорно-этнографического центра имени А. М. Мехнецова, преподаватель кафедры этномузыкологии Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова

Духовные стихи в традиционной культуре старообрядцев Верхочамья

В 2003 году сотрудниками Российского фольклорно-этнографического центра и Санкт-Петербургской государственной консерва-

тории имени Н. А. Римского-Корсакова совместно с преподавателями Детской школы искусств поселка Новый Воткинского района Удмуртии была начата планомерная экспедиционная работа по изучению народной традиционной культуры русских старожилов северных районов Удмуртской Республики. Народно-песенные традиции русских старожилов северных районов Удмуртии представляют исключительный интерес. Их формирование и развитие определено, с одной стороны, многоэтапными процессами заселения территории, с другой – полиэтническим (русские и удмурты) и поликонфессиональным (православные и старообрядцы) составом населения.

Причиной хорошей сохранности фольклорного наследия в северной части Удмуртии является старообрядческая культура, оказавшая мощное воздействие на жизненный уклад и мировоззрение местного населения. Старообрядцы, компактно проживающие в различных селах Верхокамья, составляют консервативный слой населения и сохраняют фольклорную традицию. В фольклорных экспедициях 2010–2013 годов удалось сделать записи редких образцов духовных стихов, а также псалм, распространение которых на исследуемой территории имеет очаговый характер. Их бытование зафиксировано в среде старообрядцев максимовского и дёминского согласий Кезского, Балезинского районов. По сравнению с другими жанрами, записи напевов духовных стихов являются немногочисленными и в то же время бесценными свидетельствами глубоких исторических корней местных культурных традиций.

Известно, что в период с 1972 по 2002 годы состоялся ряд экспедиций И. В. Поздеевой, доктора исторических наук, профессора кафедры истории Церкви исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, на территорию Верецагинского, Сивинского районов Пермской области и Кезского района Удмуртской Республики. По результатам экспедиций в 2007 году был издан сборник «Кому повем печаль мою»¹, в состав которого вошли образцы напевов и текстов духовных стихов, псалм, записанных от староверов-беспоповцев. Данная публикация и полевые записи из фондов Фольклорно-этнографического центра имени А. М. Мехнецова позволяют говорить о том, что на территории верховьев реки Камы сохранились в своеобразных формах признаки некогда существовавшей эпической традиции. Прежде всего, она обнаруживает себя в духовных стихах и некоторых лирических песнях.

¹ «Кому повем печаль мою»: Духовные стихи Верхокамья: Исследования и публикации / Под ред. И. В. Поздеевой. М., 2007. 332 с.

Якименко Тамара Семёновна

*профессор кафедры белорусской музыки
Белорусской государственной академии музыки,
кандидат искусствоведения*

**Календарно-песенная эпика Подвinya
в свете ареальных исследований**

Вниманием к территориальным особенностям эпически типизированных песенных явлений в их значении структурно проявленных целостностей, имманентных традиционному стилю и в оптимуме своих географических границ каждому из таких стилей соответствующих, определяется в настоящее время суть всех этномузыкологических разработок в области белорусской песенной эпики.

В основе такого рода опытов лежат, помимо отзвука идеям историко-географической школы (Ju. Krohn, K. Krohn, A. A. Aarne и другие), методологические установки, актуализированные в их музыковедческом структурно-типологическом, географическом и непосредственно историческом аспектах К. В. Квиткой. Созвучны они и тем этнолингвистическим и этнофилологическим исследованиям, которые на материале языкового и вербально-поэтического фонда песенной поэзии европейских народных баллад (Jiří Horák, T. Čubelic, E. Seeman) раскрыли характерные в этническом отношении регионы и определили наиболее значимые территориальные границы «округов» и «балладных провинций». Направляющей в развернутом поиске остается также оценка проблемы взаимодействий, связей и типологической общности сюжетно и тематически родственных циклов баллад, данная Б. Н. Путиловым, показавшим чрезвычайную сложность и тонкость соотношений балладного материала не только в его этноязыковых региональных границах, но и в границах каждого сюжетного типа.

В реализуемых в последнее время этномузыковедческих географически и структурно-типологически ориентированных подходах к изучению региональных и ареальных характеристик разнотерриториальных традиций песенной эпики принципиальное значение имеет стремление ко все более последовательному воплощению программных положений Е. В. Гипшиуса. Сформулированные в связи

с разнообразием региональных типов восточнославянских песенных систем и неоднозначностью ареальных конфигураций, возникающих в ситуации (процессе, результате) их контактирования, эти положения чрезвычайно важны как в фундаментальном общетеоретическом и общеметодологическом плане, так и в связи с акцентированными в них вопросами обнаружения «внутренних» механизмов этнопесенных кодификаций.

Специального изучения требуют соотношения, существующие в сфере пространственной протяженности моделированных отдельно вербально-поэтических и мелодических балладных вариантов, закрепленных в календарно-песенном репертуаре территорий Подвинья.

Конкка Алексей Петрович

*старший научный сотрудник сектора этнологии
Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН,
кандидат исторических наук*

**Заговоры и магические действия по поднятию лампы –
эротической привлекательности в народной традиции карел**

В свое время было высказано предположение, что лампы – это некая эманация души (или одной из душ), жизненной силы человека в период его полового созревания и особого периода, связанного с актуализацией сексуальной энергии, с ее первым приобретением. Поэтому обряды поднятия лампы, вероятнее всего, имеют отношение к возрастной инициации.

Переходный период инициации характерен, как известно, тем, что у человека отсутствует дух-охранитель, и он становится уязвим для воздействия со стороны. У карел такими периодами для молодоженов являются шесть недель после свадьбы, для роженицы – первые шесть недель после рождения ребенка, для близких родственников умершего – шесть недель после его смерти, а также для всей общины – переходный период зимних и летних Святков. Все поступки людей в такие переходные периоды, помимо оберегающих действий, направлены на восстановление статуса –

получение или создание нового духа-охранителя, сотворение новой жизненной силы. Поднятие лемпи сопоставимо как раз с подобными магическими приемами. Действия над волосами, наиболее часто связываемые с жизненной силой и местоположением духа-охранителя, подтверждают это.

В текстах некоторых карельских заговоров лемпи оказывается синонимом личной силы духа-охранителя (или духа-хозяина) человека: «Nouse, lempeni, levosta, haon alta haltiani <...> nouse, lempi, liehumah, kekäleinä keikkumah!» ('Вставай, моя лемпи, пробуждайся, / дух-хозяин из-под коряги (валежины) <...> вставай, лемпи, развевайся, углями колыхайся!')¹ или «Пусть лемпи развевается, дух-хозяин летит!» и «Вставай, сила моя из скалы, дух-хозяин из-под коряги (валежины)!»². Этимологически понятие «лемпи» связано с огнем, однако «происхождение» лемпи может быть различным и не соединено с какой-либо одной стихией. Космические объекты, божества, огонь и дым, воздух, вода, земля, растительность — все эти стихии, явления природы и их ипостаси так или иначе связаны с лемпи. Отсюда следует вывод, что лемпи, по материалам заговоров и магических действий, имеет универсальную природу, что более характерно для представлений о духах-охранителях человека и его жизненной силы, актуализирующихся в определенный переходный период.

¹ SKVR. VII. 5. 4615. Суйстамо. Европеус. 1846.

² Там же. 4621.

III
ОБРЯДОВЫЙ ФОЛЬКЛОР
СЕВЕРА И СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ:
ВОПРОСЫ ТИПОЛОГИИ И КАРТОГРАФИРОВАНИЯ;
ВЫЯВЛЕНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Ильина Юлия Николаевна
доцент кафедры русского и общего языкознания
Сыктывкарского государственного университета,
кандидат филологических наук

**Лексико-семантические средства выражения
концептуальной обрядовой прагматики
в севернорусских похоронно-поминальных причитаниях**

Лексическая организация похоронно-поминальных причитаний включает разные типы единиц, в том числе лексемы «прагматико-ключевые», глубинные значения которых, высвечиваясь в фольклорных текстах, выявляют исконное прагматико-смысловое ядро обрядовых вербальных текстов. К ним относится, например, глагол *убратся*, обозначающий смертельный исход, глаголы (*при/у*)*братъ*, *взять* и т. п.), называющие действия смерти как агента (реже – Бога, Богородицы и земли), а также существительное *займище* со значением ‘могила, кладбище’. Образования с корнями **bher-* и **em-* выражают идею о том, что участвующий в обряде человек вступает в отношения диалога и обмена с высшими силами, которые могут воплощаться в народном сознании в разных образах: божественных персонажей, душ умерших предков, персонифицированных сил природы.

Балуевская Светлана Владимировна
старший преподаватель
кафедры пения и музыкального образования
Вологодского государственного педагогического
университета

Похоронные и поминальные причитания в народных традициях Вологодской области

При изучении похоронных и поминальных причитаний Вологодчины особое внимание уделяется историографии вопроса, обзору фольклорно-этнографических материалов архива Центра традиционной народной культуры Вологодского государственного педагогического университета.

На основе текстологического анализа публикаций конца XIX – начала XX веков возникают проблемы жанровой атрибуции, задачи комплексной характеристики причетных текстов с учетом контекста и стилевой специфики. В изданиях данного периода нотографически выделены несколько образцов похоронных и поминальных причитаний (слуховые нотации в песенных сборниках Ф. М. Истомина и С. М. Ляпунова¹, Ф. Н. Лаговского², О. Х. Агреновой-Славянской³, в материалах «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева⁴).

¹ № 18 («похоронный») из раздела «IV. Причеты свадебные, рекрутские, похоронные» сборника: Песни русского народа. Собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 году / Записали: слова Ф. М. Истомина, напевы С. М. Ляпунов. СПб.: Тип. Э. Арнольда, 1899. С. 83.

² № 193 приложения «Ноты к сборнику народных песен, собранных Ф. Н. Лаговским», опубликованного в сборнике: Лаговский Ф. Н. Народные песни Костромской, Вологодской, Новгородской, Нижегородской и Ярославской губерний. Вып. II // Третий этнографический сборник. Кострома, 1923. (Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. 29). С. 24.

³ «Плач (причитание) старухи по мужу. Завывальная песня, записана в Вологодской губ.» из сборника: «Сборник песен, исполняемых в народных концертах Д. А. Агренова-Славянского, собранных в России и в славянских землях О. Х. Агреновой-Славянской». М.: Тип. И. Д. Сытина, 1896. С. 77.

⁴ Образец из публикации: Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 5. Ч. 3: Никольский и Соль-

Среди публикаций второй половины XX – начала XXI веков необходимо отметить текстологическое исследование Б. Б. Ефименковой «Севернорусская причеть»¹, которое является самым крупным на сегодняшний день нотным изданием похоронно-поминальных причитаний, относящихся к традиции междуречья Сухоны и Юга и верховья Кокшеньги (60 образцов). Одна из последних работ – сборник Е. Ф. Югай ««Не пристать, не приехати ни к которому бережку»: похоронные и поминальные причитания Вологодской области»² содержит 92 поэтических текста, зафиксированных в восточных районах (Тотемском, Тарногском, Бабушкинском и Никольском). Однако данное издание не отражает целостно специфику изучаемых фольклорных явлений, представляя лишь вербальный компонент.

С 1981 года Центр традиционной народной культуры Вологодского государственного педагогического университета ведет планомерную экспедиционную деятельность по записи фольклорно-этнографических сведений на территории области. Специальные задачи экспедиций связаны с фиксацией причетных форм, бытующих в системе похоронной и поминальной обрядности. Отдельные аспекты исследования касаются проблем современного состояния локальных причетных традиций и особенностей напевов похоронно-поминальных причитаний различных районов Вологодской области.

вычегодский уезды. СПб.: ООО «Деловая полиграфия», 2007. С. 281.

¹ Ефименкова Б. Б. Севернорусская причеть: Междуречье Сухоны и Юга и верховья Кокшеньги (Вологодская область). М.: Сов. композитор, 1980. 392 с.: нот.

² «Не пристать, не приехати ни к которому бережку»: похоронные и поминальные причитания Вологодской области / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. Е. Ф. Югай. Вологда: ООО «Эпатаж», 2011. 112 с. (Вып. 1: Тотемский, Тарногский, Бабушкинский и Никольский районы).

Канева Татьяна Степановна

*руководитель Научно-образовательного центра
«Духовная культура европейского севера России»,
заведующая кафедрой русской и общей филологии
Института гуманитарных наук
Сыктывкарского государственного университета,
кандидат филологических наук, доцент*

**Указатель тем и мотивов
как способ представления репертуара причитаний
(на материале свадебных плачей Печоры)¹**

Компактное (не полнотекстовое) представление репертуара причитаний конкретной локальной (региональной) традиции – довольно сложная задача. На материале свадебных плачей одной из печорских традиций (Усть-Цилемский район Республики Коми, средняя Печора) она решается нами в форме указателя тем и мотивов. Он состоит из четырех разделов: темы и мотивы комментирующего характера; темы и мотивы разной приуроченности; зачинные мотивы; особый раздел составили примеры номинаций основных участников ритуала. Первый блок мотивов сгруппирован в соответствии с приуроченностью причитаний, в которых они встречаются, к тем или иным ритуальным актам («Сговор» или «Рукобитье»; Приезд жениха на молодежную посадку; Визиты к невесте с подарками («приносы»); Баня и т. д.). Приуроченность мотивов к разным группам причитаний (к разным актам свадьбы) отражена с помощью помет. Темы и мотивы, не связанные с комментированием конкретных обрядовых актов (второй раздел), появляются в причитаниях разных циклов, свободно сочетаясь друг с другом и с другими мотивами. В указателе они представлены следующими блоками: жизнь в девичестве; отношение невесты к просватанью; предстоящая жизнь в замужестве; вопрошания, упреки, сетования невесты по поводу замужества; уход невесты «в чужие люди»; наставления невесте о жизни в новой семье; просьба невесты к родителям не забывать ее; сон невесты.

Указатель выполнен в виде таблицы, состоящей из трех столбцов. В левом приведены условные обозначения тем и / или мотивов причитаний. Центральный столбец содержит примеры их текстовых

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ в рамках научного проекта № 14-14-11003 а(р).

реализаций с максимально возможным сохранением формульных выражений. В правом столбце даны шифры архивных записей или ссылки на публикации, сгруппированные в хронологическом порядке. Решенный в таком виде, указатель, по сути, выглядит шире заявляемого в названии указателя сюжетно-тематического типа, поскольку в центральной графе темы и мотивы предстают в своих конкретных поэтических воплощениях (четвертый раздел указателя – «Номинации...» – вообще выбивается из сюжетно-тематического ряда). Однако такое усложнение указателя, на наш взгляд, более полно отражает местную специфику поэтического «инвентаря» свадебных плачей и позволяет проводить более точное сопоставление с подобными произведениями других традиций, различия которых зачастую проявляются именно на этом «молекулярном» уровне.

Марченко Юрий Иванович
*заведующий Фонограммархивом
Отдела русского фольклора
Института русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН*

Напевы групповых причитаний свадебного обряда в междуречье Северной Двины и Ваги¹

1. На обширной территории междуречья Северной Двины и Ваги, включающей несколько районов пограничья Архангельской и Вологодской областей, получила распространение причетная свадьба².

2. Музыкально-поэтическую основу такой обрядности составляют сольные и групповые причитания, зафиксированные на указанной территории почти повсеместно.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФГНФ в рамках научного проекта № 12-04-00349а «Музыкально-поэтический фольклор Устья: проблема региональной составляющей севернорусской народной культуры (материалы к “Своду русского фольклора”)».

² Ефименкова Б. Б. К типологии свадебных ритуалов восточных славян // Музыкальная культура Русского Севера в научном наследии Б. Б. Ефименковой: К 80-летию со дня рождения ученого / Отв. ред. И. А. Никитина. М., 2012. С. 265.

3. Напевы групповых причитаний в каждой локальной традиции опираются на характерную композицию и отличаются местным музыкальным своеобразием. Как музыкальные формы, наделенные свойствами структурной стабильности и получившие строго локальное распространение, напевы групповых причитаний исключительно важны для ареального изучения местных фольклорных традиций¹.

4. Местные напевы групповых причитаний опираются на двухиктные тонические стихи с «дактилической» клаузулой и зеркально симметричной («анапестической») анакрузой.

5. На полюсах контрастного диапазона оказываются мелостиhi двух различных видов: семи-девятислового объема, с одной стороны, и восьмислового – с другой.

6. Напевы подразделяются на стиховые и строфовые (строфические).

7. Строфовые напевы могут иметь повторное строение (в основе – метроритмическое тождество мелостиhi одного вида), контрастное строение (в основе – метроритмический контраст мелостиhi одного вида), сложное строение (в основе – объединение мелостиhi различных видов).

8. Семи-девятисловые стиховые напевы и строфовые композиции повторного строения зафиксированы на территории западной части ареала: от южной части Верховажского района и прилегающих к ней территорий Сямженского и Тотемского районов Вологодской области – до южных территорий Шенкурского района Архангельской области.

9. Строфовые композиции, основу которых составляют семислоговые мелостиhi контрастного строения, типичны для свадебной обрядности на территории всего Устьянского района Архангельской области. Эти напевы обнаруживают яркие музыкальные параллели со строфовыми напевами групповых причитаний северо-восточных районов Вологодской области. Но последние отличаются восьмислоговой формой мелостиhi.

10. Стиховые напевы восьмислового объема, представленные в различных мелодических и темповых версиях, типичны для групповой причеты на территории Тарногского района Вологодской области и прилегающей к нему части Устьянского района Архангельской области.

11. Строфовые напевы сложного строения характеризуют групповую причету северных территорий. Примерные границы: Нижняя

¹ Результаты изучения напевов севернорусских причитаний на основе ареальной методики см.: Ефименкова Б. Б. Севернорусская причета. М., 1980. С. 30–80.

Тойма (Верхне-Тоемский район Архангельской области) – Усть-Вага – Конецгорье (Виноградовский район Архангельской области).

Свадебные групповые причитания междуречья Северной Двины и Ваги могут оказаться важным звеном для понимания взаимосвязи фольклорных традиций на обширной территории, охватывающей юго-восточные районы Архангельской области и граничащие с ними северо-восточные районы Вологодской области. Дальнейшее подробное изучение материалов наверняка поможет детализировать представления и о характере распространения некоторых других жанров местного поющего фольклора.

Резниченко Евгения Борисовна
доцент кафедры истории и теории музыки
Православного Свято-Тихоновского
гуманитарного университета

Региональная специфика групповой причеты Беломорья

Групповые голошения зафиксированы на всех берегах Белого моря, они являются важным компонентом музыкального языка-кода местной свадьбы¹. В большинстве поселений Поморского, Карельского, Кандалакшского и Терского берегов свадебная причеть представлена только групповым видом; на Летнем и Онежском берегах ансамблевые голошения присутствуют в ритуале наряду с одиночными. В свадьбе одного села групповые плачи оппозиционны сольным как по своей роли в обряде, так и по структурным характеристикам. Ансамблевая причеть Поморья представлена тремя классами музыкально-ритмических форм: неравномерно сегментированными, равномерно сегментированными и вторичными цезурированными; каждая группа форм имеет в пределах региона четкую локализацию. Результаты ареалогического изучения групповых плачей Беломорья отражены на картах-схемах.

¹ Уникальна в этом отношении ситуация на Зимнем берегу, где групповая причеть представлена в свадьбе только одного села. Однако этот субрегион занимает особое положение в местной культуре, являясь зоной интерференции плачевых традиций Беломорья и Мезени.

Косырева Светлана Витальевна

*директор Института традиционной музыки,
доцент кафедры истории музыки
Петрозаводской государственной консерватории
имени А. К. Глазунова,
кандидат искусствоведения*

Причитания вепсов: опыт выявления локальных стилей

Причитания являются древнейшим жанром устной ритуальной поэзии, представляют собой особую художественную форму, реализующуюся в различных обрядах перехода. Причитания вепсов относятся к наиболее архаичной ступени развития песенности. Это выражается в свободной, импровизационной форме текста и напева, которые составляют вместе с плачем тесно взаимосвязанное целое.

В результате исследования специфики вокального строя, выявлены интонационные модели (инварианты) и звуковысотные ряды, релевантные локальным стилям причетной традиции вепсов.

Данченкова Наталья Юрьевна

*заведующая аспирантурой,
старший научный сотрудник
сектора фольклора и народного искусства
Государственного института искусствознания,
кандидат искусствоведения*

**Ареальная традиция плача и творчество мастера-исполнителя
(с. Тагарово Муромского района Владимирской области)**

Особого внимания заслуживает проблема индивидуального творчества отдельной плачеи, поскольку в нем наблюдается сложное преломление художественных возможностей и интуиции одного человека и креативного опыта традиционного локального сообщества, а также обнаруживается влияние этого симбиоза на жанровую поэтику локальной традиции плача. В рамках конкретной локальной художе-

ственной системы (традиции) создает / произносит свои причитания каждая плачя, независимо от степени ее личной творческой одаренности. В творчестве же выдающихся плакальщиц жанровая система может развиваться, трансформироваться, чем и обеспечивается преемственное существование традиции, ее адаптация к изменяющимся культурным условиям.

Мастерству конкретного знатока, носителя и хранителя традиции музыкальная фольклористика уделяет слишком мало внимания. Однако проблема эта крайне важна, поскольку позволяет наблюдать и исследовать живые процессы музыкальной культуры, жизнь традиционных жанров, стилистики, самого языка фольклора.

Калинина Мария Владимировна
специалист по фольклору Фольклорно-этнографического центра имени А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова

Свадебный обряд Средней Устьи: проблемы типологии и картографирования песенных и причетных напевов¹

Свадебный обряд Средней Устьи и его музыкально-поэтическое наполнение является самобытной целостной системой в ряду традиций Русского Севера. Материалом к изучению этнографического содержания обряда и художественных форм, наполняющих обрядовое действие, послужили экспедиционные записи Ленинградской государственной консерватории 1975–1980 годов и Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР 1986 года.

Свадебный обряд состоит из четырех этапов, включающих ряд типологически устойчивых обрядовых действий, имеющих местные определения в народной традиции:

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 12-04-00349а «Музыкально-поэтический фольклор Устьи: проблема региональной составляющей севернорусской народной культуры (материалы к «Своду русского фольклора»)».

- период сватовства («свѣтаньѣ» – «уговѣрка»);
- срок от сватовства до свадьбы («на сроку сидеть», «невеста невістит»);
- канун и утро свадебного дня в доме невесты (деви́чник);
- венчание, свадебный пир в доме жениха, «хлѣбины».

Основой обряда является довенечная часть, в музыкальном отношении наполненная сольными причитаниями невесты, хоровыми причитаниями девушек и женщин и свадебными песнями («припевками»), которые исполняются на формульные напевы. Исследование причитаний и свадебных песен на уровне содержания поэтического текста, а также стиховой, слогоритмической и ладо-интонационной структуры напевов позволило определить типологические закономерности данных жанров на Устье и выделить характерные признаки, на основе которых уточняются границы традиции Средней Устья с двумя центрами, расположенными в Строевском и Бестужевском сельсоветах Устьянского района Архангельской области.

Москвина Ольга Ивановна

*заместитель председателя Комитета культуры
Администрации Новгородского муниципального
района*

Музыкально-поэтические формы песенного интонирования в свадебном обряде Поддорского района Новгородской области

Основной задачей исследования является описание типовых напевов свадебных песен, бытующих в традиции Поддорского района. Среди ведущих принципов систематизации избираются композиционно-ритмические и ладо-интонационные особенности песенных форм. Один из ракурсов исследования направлен на функционально-семантическую характеристику анализируемых образцов. Определение границ территориального распространения напевов связано с проблемой выявления статуса того или иного напева в местной традиции и традициях западных районов Новгородской области. Анализ поддорских

свадебных песен основан на соотношении имеющихся образцов с их вариантами, бытующими на сопредельных территориях.

Крашенинникова Юлия Андреевна
заведующая сектором фольклора
Института языка, литературы и истории
Коми научного центра УрО РАН,
кандидат филологических наук

Из опыта картографирования свадебного обряда (на примере русских свадебных приговоров)

Основные принципы методики картографирования были сформулированы А. И. Никифоровым (1927), П. Г. Богатырёвым (1928–1929), В. М. Жирмунским (1932), Р. Р. Гельгардтом (1935) и применительно к свадебному обряду К. В. Чистовым (1974). В фольклорных исследованиях эта методика применялась, в частности, к эпическим жанрам (С. И. Дмитриева, 1969), рождественским славениям (В. И. Чичеров, 1957), преданиям о чуди (В. В. Пименов, 1965), отдельным сюжетам баллад (К. Е. Корепова, 1994; Е. Ю. Казакова, 1994) и свадебным песням (К. С. Задоя, 1994)¹. Насколько целесообразно применение методики картографирования в отношении «говорных» (термин Б. Н. Путилова) жанров свадьбы? При отборе, анализе и подаче материалов возникает ряд

¹ Дмитриева С. И. Географическое распространение русских былин (по материалам конца XIX – начала XX в.) // Советская этнография. М., 1969. № 4. С. 28–39; Чичеров В. И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI–XIX вв.: Очерки по истории народных верований. М., 1957. С. 115–165; Пименов В. В. Вепсы: Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965. С. 117–170; Корепова К. Е. Методика картографирования фольклорного сюжета: Баллада «Сестра и братья-разбойники» // Методические указания по собиранию фольклора. М., 1994. С. 72–76; Казакова Е. Ю. Опыт картографирования: Баллада «Дочка-пташка» // Методические указания по собиранию фольклора. М., 1994. С. 76–84; Задоя К. С. Опыт картографирования свадебной песни («Ясна в тереме свеча горит») // Методические указания по собиранию фольклора. М., 1994. С. 84–104.

методических и практических трудностей. Словесные элементы свадебного обряда требуют специального изучения и особых подходов к имеющемуся материалу.

Миронова Валентина Петровна
*старший научный сотрудник
сектора литературы и фольклора
Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН,
кандидат филологических наук*

Севернокарельские свадебные руны

Карельская свадьба наряду с причитаниями, лирическими песнями и частушками сопровождалась многочисленными свадебными рунами, стадially относящимися к наиболее архаичным жанрам устного народного творчества карел. Выявленный материал позволяет систематизировать весь диапазон текстов в десять условных циклов: руны сватовства, руны-приглашения, баенные руны, руны зятя, руны окручивания, руны в доме невесты, руны в доме жениха, руны-поучения невесты, руны-подбадривания невесты, руна-награда исполнителям. В свою очередь объединенные в циклы произведения можно соединить в две группы: руны для жениха и руны для невесты. Основной тематикой свадебных рун жениха является иносказательное описание сватовства (орёл прилетает за ягодкой-птицей или курочкой) и ожидание невестой своего избранника. Предназначенные для невесты руны содержат наставления о том, как себя нужно вести в новой семье, «на чужой земле».

Несмотря на единый сценарий карельской свадьбы, в различных локальных этнических группах внимание уделялось различным ее обрядам. К примеру, согласно имеющемуся материалу, у южных и приладожских карелов свадебные руны чаще всего исполнялись жениху при отправлении на сватовство, тогда как в беломорской традиции руны пели как в доме жениха, так и в доме невесты, а также по приезду молодых в дом жениха. Таким образом, они служили маркером наиболее значимых обрядов свадьбы, в которых происходил символический переход или подготовка некоего путешествия из одного мира в мир иной, из одного рода в род иной и т. д. Носителями свадебных

рун чаще всего были женщины, причем исследователями отмечается групповое исполнение данных произведений¹. Карельские свадебные руны, выполнявшие, прежде всего, апотропеическую функцию, являются одной из главных составляющих вербального кода свадьбы.

Молчанова Татьяна Станиславовна
доцент кафедры русского народного
песенного искусства
Санкт-Петербургского государственного
университета культуры и искусств,
кандидат искусствоведения

Русские песни в традиционной свадьбе сойкинских ижор

Ассимиляция ижор на протяжении второй половины XX века произошла стремительно, и в настоящее время носителей ижорской культуры осталось мало. Однако еще в 80-х годах прошлого века сотрудникам Ленинградского областного научно-методического центра народного творчества и культурно-просветительской работы удалось сделать аудиозаписи от группы ижор Сойкинского полуострова в Кингисеппском районе Ленинградской области. Записи хранятся в фонотеке Ленинградского областного научно-методического центра культуры и искусства; они оцифрованы, доступны для работы специалистов.

Эта территория до недавнего времени была интенсивно контактной и двух- или многоязычной. Здесь рядом проживали ижора, воть, русские, финны и эстонцы. Культуре ижор свойственно активное взаимодействие с русскими традициями, на что неоднократно обращали внимание исследователи (Н. В. Шлыгина, Т. А. Коски и др.). Русские песни, органично вошедшие в свадьбу сойкинских ижор, упоминаются в литературе. Однако они не публиковались, и ижорская свадьба в совокупности русских и ижорских песенных текстов не изучена.

Русских песен в ижорской свадьбе немного: «Ой, трубили трубушку», «Вот спасибо, зятюшка», «Я бегу-бегу по поженке», «Ах вы, сени, мои сени», «Ах, луговка луговая», «Прости, прощай, лю-

¹ Virtanen L. Kalevalainen laulutapa Karjalassa. Helsinki, 1968. S. 34.

безный мой» и некоторые другие. Особый интерес вызывают музыкальный облик и этнографический контекст исполнения этих песен. Так, один из вариантов «Трубоньки», звучащей на сватовстве / «табаках», демонстрирует интенсивный творческий путь взаимодействия русской и ижорской традиций.

Эти песни также могут быть сопоставлены с «русской» частью наигрышей ижорских пастухов того же Сойкинского полуострова, которые зафиксировал в 1914 году знаменитый финский этномузыколог А. О. Вяйсянен (опубликованы в 1985 году).

Ближайшие мелодико-интонационные аналогии русским песням, усвоенным ижорами, обнаруживаются в Волосовском и Гатчинском районах Ленинградской области (на ижорском плато и в верховьях реки Оредеж).

Енговатова Маргарита Анатольевна
*профессор кафедры истории музыки,
научный руководитель Проблемной
научно-исследовательской лаборатории
по изучению традиционных музыкальных культур
Российской академии музыки имени Гнесиных,
кандидат искусствоведения*

Закамские свадебные прощальные песни как северное явление

Традиция русского Закамья – культура позднего, вторичного формирования. Постоянное русское население закрепилось здесь в середине XVII века. Потоки переселенцев двигались из разных регионов России, но первый и основной, по мнению историков, – с Русского Севера, что определило особенности местной песенной традиции.

Закамский свадебный обряд – разновидность северной свадьбы-похорон. Его музыкальный язык включает в себя и северные, и западные по происхождению явления. Северный компонент представлен песнями, включенными в инициационный план ритуала. Основная часть напевов принадлежит к классу неравномерно сегментированных ритмических форм, что характерно для всех северных традиций.

Среди ритмических типов (РТ) закамских напевов – все 5 описанных в литературе. Основные – «Цветики» (30 % материала) и «Из-за лесу» (24 %). Кроме них зафиксированы «Соколы», «Камаринская» и ритмический тип, названный Б. Б. Ефименковой «северо-западным». Таким образом, местный корпус прощальных напевов – своеобразная энциклопедия неравномерно сегментированных форм. Записаны в Закамье и иные ритмические типы, которые можно оценивать как сугубо местные.

Главная особенность закамских напевов – их чрезвычайная распетость путем протяженных внутрислоговых распевов, многочисленных словообрывов, повторов слов и пр. В результате, песни, поющиеся в весьма медленном темпе, еще более «растягиваются» во времени, что приводит к нивелированию первичных признаков ритмических форм.

Тенденция к распеванию и цезурированию приводит к образованию вторичных мелодико-ритмических композиций с перенесением запева в заключительное построение напевов.

Другие приемы модификации северных ритмических форм напевов в Закамье связаны с переритмизацией ритмических формул в двух периодах напевов, временным их разрастанием, тяготением формул к пятивременному строению. К последнему случаю примыкают формы с троичным счислением ритма, столь характерные для Севера.

В результате, закамская традиция свадебных прощальных песен выступает как типологически северная, при этом весьма целостная, самостоятельная, что подтверждается системностью ее организации.

Калужникова Татьяна Ивановна

профессор

Уральской государственной консерватории

имени М. П. Мусоргского,

доктор искусствоведения

Лексика и фразеология среднеуральской свадьбы в контексте обрядовой терминологии европейских традиций России

1. Слова и выражения, устойчиво закрепляемые носителями традиции за теми или иными ее фактами, отражают представления об

этих фактах, сформировавшиеся «внутри» культурной системы. С учетом того, что рассматриваемые языковые единицы имеют в контексте среднеуральского свадебного обряда постоянные значения и, следовательно, обладают некоторыми терминологическими свойствами, по отношению к ним правомерно употреблять (с поправкой на специфику фольклора) слова «термины», «терминология».

2. На Среднем Урале сложилась типовая модель свадебного ритуала, что подтверждается повторяемостью в большинстве населенных пунктов сходного состава и аналогичной последовательности обрядовых действий; бытованием корпуса музыкально-поэтических текстов, относительно цельного в жанровом и стилистическом отношении; использованием устойчивого круга лексем и фразеологизмов, относящихся к свадьбе. Характерная черта рассматриваемого обряда — высокая степень вариативности всех компонентов, в том числе и обрядовой лексики.

3. В среднеуральских говорах отражены названия ключевых эпизодов ритуала и его основных кодов: персонажного, пространственного, предметного и музыкального, — благодаря чему складывается представление о местной свадьбе как о некоей целостности.

4. Разнообразна музыкальная свадебная терминология, где представлены обозначения жанров свадебного вокального фольклора, исполнителей музыкально-поэтических текстов, певческих приемов. Все исполнительские термины, как правило, имеющие в рамках изучаемой региональной традиции ясно очерченные зоны значений, образуют четыре вербальные сферы:

а) связанную с воспроизведением причитаний («причитать», «выть», «привывать», «реветь», «вопить», «в голос наговаривать»);

б) обозначающую исполнение свадебных песен трех функциональных групп — прощальных, песенных комментариев, сиротских («петь»);

в) относящуюся к величаниям («величать», изредка — «опевать»);

г) закрепляемую за припевочками, поющими после величаний («припевать»).

Однако в ряде случаев в бытовании свадебного фольклора происходит стирание граней между некоторыми жанрами (обычно между коллективным причитанием и прощальной либо сиротской песней), обусловленное их функциональным и стилистическим сходством. Отмеченной тенденцией вызвано включение в первую терминологическую группу слова «петь», соотносимого исключительно с групповыми причитаниями. По той же причине артикуляцию некоторых прощальных песен (к примеру, песни «Веряя моя, вереюшка...»),

наряду с глаголом «петь», иногда обозначают причетными терминами «выть», «реветь».

5. Анализ народной лексики и фразеологии позволяет выявить связи среднеуральской свадьбы с ритуалами других регионов России. Поскольку рассматриваемое свадебное действие, представляющее собой позднее по времени формирования и вторичное по генезису и структуре явление, складывается на основе форм, привнесенных на Средний Урал в конце XVII–XVIII веков выходцами из северных, центральных уездов России, Среднего Поволжья и Прикамья, оно обнаруживает соответствия разновидностям севернорусского типа обряда, зафиксированным в Карельском Поморье, на Терском берегу Белого моря (южное побережье Кольского полуострова), вариантам свадебного ритуала Нижегородской области и прикамской обрядности. Отмеченные параллели обнаруживаются и в свадебной терминологии.

Голубева Марианна Сергеевна

*ведущий методист по научной работе
Фольклорно-этнографического центра
имени А. М. Мехнецова*

*Санкт-Петербургской государственной
консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова*

**Свадебно-обрядовый комплекс русских сел
Республики Башкортостан:
к вопросу о севернорусских истоках традиции**

В последние годы одно из направлений полевых исследований Фольклорно-этнографического центра имени А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской консерватории связано с изучением народно-песенных традиций русских сел Республики Башкортостан. Культурная традиция этого региона относится к системам позднего или вторичного формирования, становление которой обусловлено особенностями освоения русскими исконно башкирских земель. В настоящее время актуальным является вопрос определения основных потоков миграции населения на эти земли.

На основе многообразия локальных версий свадебного фольклорно-этнографического материала Архангельского, Кармаскалинского и Гафурийского районов Республики Башкортостан выделены инва-

риантные характеристики структуры обряда, закономерности музыкально-поэтического языка сольных причитаний и обрядовых песен, которые позволяют отнести свадьбу русских старожилов к причётно-песенному типу и выявляют глубинные связи с традициями Северо-Запада России.

В многочисленных описаниях свадебного обрядового комплекса центральных районов Башкортостана весьма значимыми являются сведения о существовании свадебных обычаев (например, ритуальное вождение невесты в баню), которые признаны показательными для севернорусской свадебной традиции. Следует отметить ключевое значение ритуальной бани во всей довенечной части свадебной обрядности. Этот этап завершает устойчивое последование обрядовых действий, воплощающих одну из ведущих функций свадьбы — отлучение невесты от своей половозрастной группы.

Среди художественных форм свадебно-обрядового комплекса важное место занимают сольные причитания. В декламационно-напевной форме произнесения причётных текстов наиболее полно проявляются закономерности причётного стиха: интонационный контур, метроритмика и композиционное строение напева зависят от структурных особенностей поэтического текста, речевой интонации. Выявленные в ходе анализа причитаний закономерности музыкально-поэтического языка обнаруживают общность с эпическими жанрами, что указывает на генетические связи между традициями центральных районов Башкирии и севернорусских областей.

***Петкова-Марчевска Славка Георгиева**
главный ассистент кафедры "Музыка"
Великотырновского университета
имени Святых Кирилла и Мефодия,
доктор*

Обрядовые гадания девушек в традиционной культуре восточных и южных славян

На примерах календарной фольклорной обрядности Болгарии и Северо-Западного региона России делается анализ параллелей и различий в обрядовых практиках девушек на загадывание будущего

жениха. В анализ входят такие компоненты обряда, как ритуальное действие, характерные атрибуты, песни и заговоры.

Обряды гадания принадлежат к самым архаичным пластам дохристианской фольклорной культуры и поэтому представляют собой важный объект для сравнительного изучения.

Девичьи обрядовые гадания в болгарской традиционной культуре совершались три раза в год, в самые благоприятные для этого дни – во время новогодних праздников (накануне Васильева дня), «Енёвден» (Ивана Купала) и реже – Гергев ден (праздник св. Георгия Победоносца). Называют эти коллективные обряды гадания ладованием или Дайлада по припевным словам песен, исполняемых во время обряда: «Ой, Ладо, Ладо, момиче младо», «Ладо, дай Ладо». Песни, сопровождающие гадание, именуются «ладанками». При разнообразии вариантов, их содержание в основном общее для всех регионов – тема предстоящего замужества. Это объясняется тем, что в обряде участвуют только молодые, незамужние девушки. «Ладанки» поют все участницы гадания. Подготовка обряда совершается вечером, а гадание происходит утром.

Рейма Оксана Ярославовна
*старший преподаватель
кафедры пения и музыкального образования
Вологодского государственного педагогического
университета*

Формы возгласного интонирования в масленичном обрядовом комплексе (по материалам экспедиций в Вологодскую область)

С 1981 года Центр традиционной народной культуры Вологодского государственного педагогического университета проводит всестороннее исследование фольклорных традиций Вологодской области. В ходе многолетней собирательской работы зафиксированы разнообразные формы интонационно-ритмического воплощения календарно-обрядового фольклора, относящиеся к сфере допесенного интонирования. Как свидетельствуют экспедиционные материалы, масленичный обрядовый комплекс с развитой системой фольклорных текстов

был распространен в локальных традициях центральной и юго-западной зоны Вологодской области, а также в сопредельных районах Новгородской и Ярославской областей.

Особое место в масленичном обряде занимают формы возгласного интонирования. Отличительной чертой кличевых образцов является принципиальная мобильность элементов формы. Подвижными оказываются звуковысотные, ритмические и композиционные характеристики. Так, форма складывается из разновременных интонационно-ритмических сегментов, полностью зависящих от протяженности и интенсивности дыхания. Типическим признаком кличей можно считать фразовые акценты, усиленные ритмической долготой, звуковысотной позицией и насыщенной окраской голоса. Ритмика выкриков полностью обусловлена структурой словесного текста. Важной характеристикой рассматриваемой группы фольклорных текстов является синкретическое единство элементов структуры, их подчинение основному смыслу – обращению или к мифологическому персонажу (Масленице) или к хозяевам дома во время обхода дворов. Основными исполнителями масленичных кличей являлись дети и подростки. Выявляя исполнительские характеристики выкриков, отметим, что манера и способы их произнесения связаны с особенностями детского голосового аппарата и со спецификой детского музыкального мышления.

Полякова Алла Валерьевна

*ведущий хранитель фондов
Фольклорно-этнографического центра
имени А. М. Мехнецова,
преподаватель кафедры этномузыкологии
Санкт-Петербургской государственной
консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова*

**Музыкальный фольклор в календарно-обрядовом комплексе
устьянской традиции¹**

В ходе фольклорных экспедиций Санкт-Петербургской консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова 1975–1980, 2013

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 12-04-00349а «Музыкально-поэтический фольклор Устья: проблема региональной составляющей севернорусской народной культуры (материалы к “Своду русского фольклора”)».

годов зафиксированы многочисленные сведения о календарно-земледельческих обрядах, годовых и престольных праздниках («братчинах»), ярмарках, молодежных гуляниях. Разнообразными фольклорными жанрами оказываются наполнены календарные периоды — осенне-зимний («вечерования»), святочный, весенне-летний.

Фольклор календарно-обрядового комплекса Устья представлен жанрами поэтического (приговоры, приметы, поверья), музыкально-поэтического (календарные, лирические песни), музыкально-хореографического фольклора (хороводы, игры, пляски, наигрыши и частушки «по-пляске», «по-дерёвне»/«по-песням»).

К собственно календарно-обрядовым жанрам относятся зимние празднично-поздравительные песни, связанные с обходами дворов на Рождество. «Виноградья» и колядки зафиксированы не повсеместно: колядки в Лихачёвском и Синницком сельсоветах Устьянского района, «виноградья» в Благовещенском сельсовете Вельского района. Во время обхода пели также тропарь Рождества. В святочный период включены различные виды традиционных гаданий и ряженья. Рядились «снаряжухами», «бúками», которые, заходя в дом, плясали под припевки и песни («Черти табак толкли» и другие). Помимо плясок ряженных, к обрядовым песенно-хореографическим формам фольклора относятся троицкие медленные уличные хороводы («Улица широкая»), зафиксированные в чадромской традиции.

Годовой цикл праздничных гуляний содержит большой корпус сезонно-приуроченных фольклорных жанров. В осенне-зимний и святочный периоды на молодежных вечерках («вечерушках», «вечерóвках», «ймалках») исполняли хороводы и игры («По-за городу царев сын», «Просо», «Хожу я, гуляю», «Каравай» и другие), пляски (парная пляска «по-одинке», многофигурные пляски «Устьяночка», «Восьмёрка», «Кресты», «Метелица»), бытовые танцы. Для весенних и летних гуляний характерны шествия с припевками под гармонь (тальянку, «минóрку», «волынку», «хрómку»), разнообразные формы пляски.

Ранней весной женщины, девушки пели «долгие» песни. Лирические песни исполняли в поле после выгона коров (собирали пир в лугах), во время летних полевых работ (на обеде — «па`ужне»), по дороге с поля домой (со жнива, с покоса). Они звучали на престольных праздниках, на ярмарках — на завалинках, на «пиру`шках», по воскресеньям на берегу реки. На зимних рабочих вечерках за прядением пели лирические песни и припевки.

Тавлай Галина Валентиновна

*старший научный сотрудник сектора фольклора
Российского института истории искусств,
кандидат искусствоведения*

**Обрядовые напевы белорусской традиции в Латгалии
и пограничных локусах
(этномузыковедческая и языковая атрибуция)**

В XI–XIII веках в Восточной Латвии существовало несколько вассальных княжеств, зависимых от Полоцка. Первым форпостом полоцких князей на Западной Двине был Кокнесе (Кукунос) – в трехстах верстах к северо-западу от Полоцка. Еще один город – Ерсика (Горнике), находился в пятидесяти верстах к северу от Двинска (сегодняшнего Даугавпилса). Княжеские дружинники подолгу здесь задерживались и, вероятно, уже к этому времени относятся первые поселения полоцких кривичей вдоль торговых трасс по Западной Двине¹.

Латгалия, отошедшая в 1581 году в ходе Ливонской войны к Польше, была одной из территорий, куда затем, с особой интенсивностью, начиная с XVII века, на обезлюдевшие в результате войн, страшных эпидемий (1657–1661 годов) в ближайшие западные земли хлынула новая волна поселенцев, в основном это были белорусы и русские (белорусы двигались на север от мест своего прежнего проживания, русские – на запад). Латгальские землевладельцы, заинтересованные в притоке новой рабочей силы, предоставляли тысячам беглых крестьян в аренду землю, освобождая их в первые годы от барщины и оброка. Уже к 1599 году две трети населения Резекне составляли белорусы и поляки (белорусы-католики), а к 1646 году – и города Лудза, Старая (Истренская) и Новая (на Слядзеве) слободы были по населению белорусскими². Оно же занимало Замковую, Нарзенскую, Гольшевскую волости, 4,4% на-

¹ История Латвийской ССР. Рига, 1952. Т. 1. С. 81.

² Брежго Б. Очерки по истории крестьянских движений в Латгалии 1577–1907. Рига, 1956. С. 10–12.

селения Плужовской волости было белорусским. Белорусы жили в Двинском, Резекненском и Лудзенском трактах, главным образом, вдоль восточных границ Латгалии.

Белорусы Латвии не были однородны по вероисповеданию. Среди них были католики, православные, единоверцы, старообрядцы. Белорусы-католики занимали часть Режицко (7500 душ) и Люцинского (5000) уездов. Ф. Цехановский, составивший в 1883 году этнографическую карту южной части Люцинского уезда, отмечал, что волости Посинская, Рунданская, северная часть Ландскоронской населены белорусами православного и католического вероисповедания почти в равных пропорциях. Белорусы-старообрядцы обитали в соседстве с русскими, от которых и заимствовали вероучение. Латыши живут лишь «оазисами» в Ландскорской волости, в центре Посинской и в восточной части Рунданской¹.

В «Общем очерке Витебской губернии» отмечается, что «белорус в речи со старообрядцами говорит языком последнего, латыш же усваивает не русский, но белорусский язык»². В экспедиции 2002 года нам довелось наблюдать, как жители Латгалии, носители латгальского языка, спустя более, чем столетие, прошедшее со времени публикации названного источника, изъяснялись с нами на северо-белорусском диалекте белорусского языка, не умея при этом говорить по-русски, что является еще одним очевидным свидетельством давности, исконности белорусского языка для здешних мест.

К 1897 году на территории Латвии, согласно переписи, насчитывалось 79523 белорусов, что составляло на то время 4,1%. Однако впоследствии число их резко сокращается. В 1935 году, согласно уже следующей переписи, основная масса белорусского компактно проживавшего населения располагалась в Илукстенском (2461), Даугавпилсском (4396), Лудзенском (4794) и Резекненском (1844 человека) уездах. По переписи 1970 года в Латгалии белорусы составляют 5,8%. Как считает С. Григорьева, самосознание белорусов Латгалии в наше время размыто, часть из них подверглась ассимиляции со стороны трех этносов: поляков, латышей и русских.

Значительный приток русских переселенцев исторически проходил под знаменем борьбы за старую веру. Первые группы старообрядцев, как сообщает «Дегуцкая хроника» и «Хронограф Литовский», прибыли сюда в 1659 году. Русские старообрядцы в своем большинстве принадлежали к так называемому федосеевскому толку беспоповщины. Напомним, основная их масса поселилась на территориях

¹ Памятная книжка Витебской губернии на 1898 г. Витебск, 1898. Прил. С. 105.

² Там же. С. 108.

Латгалии, Литвы, Северной Беларуси в начале XVIII века, живя, как правило, замкнутыми собственными небольшими селениями.

С событиями 1863 года связана еще одна волна перемещений в латгальском крае. После подавления польского восстания 1863–1864 годов, охватившего в том числе и Латгалию, царское правительство стимулировало переселение сюда крестьян на льготных условиях. Как следствие, к середине XIX века в Прибалтийском крае возросло число православного духовенства и учителей русского языка¹.

Наиболее активный и долговременный всплеск национального белорусского возрождения в восточной Латгалии и Латвии был отмечен в межвоенный период. Отдельные члены правительства Белорусской Народной Республики² (К. Езавитов, Я. Варонка), видные представители волны национально-просветительского движения 1920–30-х годов были родом из этих мест. В октябре 1920 года правительство БНР выехало в Латвию и приступило к консолидации национальных белорусских сил за границей для продолжения борьбы за независимость БНР. В Латвии были созданы Белорусское Культурно-Просветительское Товарищество «Бацькаўшчына», Белорусский Клуб, Курсы белорусоведения, белорусские просветительские товарищества «Рунь», «Беларуская Хата». Силами «Товарищества белорусских Учителей» в Латвии активно издавались книги, брошюры, содержались 4 белорусские школы в Риге. Всего же в Латвии было открыто 50 белорусских школ, две белорусских гимназии (в Даугавпилсе и Люцине), одногодичные учительские курсы, издавались многочисленные журналы, в том числе – «Школа и Жизнь», «Белорусская школа в Латвии». Местной интеллигенцией было основано Белорусское Научно-Краеведческое Товарищество. Под редакцией К. Езавитова в 1920–30-е годы выходил журнал «Голас Беларуса». В 1934 году, с приходом к власти К. Ульманиса, практически все белорусские организации в Латвии снова были запрещены³.

В межвоенные годы ведется активный сбор белорусских фольклорных материалов: в периодических изданиях, ежемесячниках, календарях публикуются описания местных обрядов, легенд, тексты песен. Однако единственной монографической работой, посвященной этому исключительно в малой степени исследованному белорусскому региону до сегодняшнего дня остается «Народная творчасць Латгальскіх і Ілукстэнскіх беларусаў» (Рига, 1940. Вып. 1), из-

¹ Макашина Т. Фольклор и обряды русского населения Латгалии. М., 1979. С. 3, 14, 17, 21.

² Далее – БНР.

³ Калубовіч А. Крокі гісторыі. Беласток-Вільня-Менск, 1993. С. 35.

данная за собственный счет по записям 1920–40-х годов крупным деятелем белорусского общественно-просветительского движения Латвии, педагогом, директором Даугавпилсской Белорусской гимназии С. Сахаровым (1880–1954). До этой публикации известны были лишь единичные, сугобо филологического толка, записи в собрании Е. Романова, отдельные нотированные записи детских песен в объеме одной строки в издании А. Грыневича «Беларускі дзіцячы сьпеўнік: З беларускіх народных матываў і лірыкі, сабраных ў 1905–1924 гг.» (Вільня, 1925): две (№ 16, 20) – с Дрисненщины (то есть теперешней Верхнедвинщины) и три (№ 22, 27, 30) – с Дисненщины, а также отдельные, условные с точки зрения качества нотные строки в периодике.

Региональное собрание С. Сахарова снабжено тринадцатью нотными строчками-транскрипциями календарных («Дзярэшка», волочечная, весенняя хороводная, жнивная, осенняя, яриная), колыбельной, лирической любовной и пяти свадебных песен. Этнографический сборник С. Сахарова включает в себя описания местных обычаев, обрядов, затрагивает сферу музыкальной выразительности, являет собой первый и весьма успешный опыт жанровой классификации песен белорусов Латгалии.

Исследования этногенеза, быта, культуры белорусов Латгалии охватывают различные области белорусистики: истории, этнографии, этнолингвистики, фольклористики, этномузыковедения. Будучи естественной этногеографической частью ареала, находящегося в границах сегодняшней административной Республики Беларусь, в едином этнокультурном пространстве с бывшими Двинским, Краславским, Режицким, Люцинским уездами Латгалии находятся Браславский, Миорский, Верхнедвинский, Полоцкий районы Республики Беларусь, Себежский район нынешней Псковской области, коренное население которых составляют этнические белорусы. Их традиционная культура входит в местный, регионально выверенный, непривнесенный комплекс явлений северо-белорусского типа.

Две связанные в единую культурную, историческую, экономическую традицию зоны, разделенные Западной Двиной, с нерасторжимыми узами всевозможных родственных контактов, с общими свадьбами и свадебными музыкантами, общими праздниками, ярмарками-«кірмашамі», в местном определении: «задзвінская» – «з-за Дзвіны», «з Зарэчча» и «з Надрэчча», «із-за латыш» стали предметом этнологического и этномузыковедческого изучения.

IV

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ В ТРАДИЦИЯХ СЕВЕРА И СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ

Парадовская Галина Петровна
профессор кафедры пения
и музыкального образования,
научный руководитель
Центра традиционной народной культуры
Вологодского государственного педагогического
университета,
заслуженный работник культуры РФ,
кандидат искусствоведения

Лирические песни Вологодского края: историко-стилевая характеристика

Лирические песни занимают одно из ведущих мест в севернорусских певческих традициях. Обширный, собранный в разные годы фольклорный материал позволяет систематизировать напевы лирических песен, выявить их типологию и на этой основе определить историко-стилевую принадлежность. В народных традициях Вологодской и прилегающих к ней Архангельской, Кировской и других областей можно выделить несколько историко-стилевых пластов песенной лирики. В данном исследовании мы опираемся на классификацию А. М. Мехнецова, определившего три основные жанровые группы лирических песен Русского Севера:

- слой ранней лирики («девья» лирика);
- «молодецкие» песни;
- песни позднего происхождения¹.

Сгруппировать по данной схеме напевы лирических песен, бытующие на Вологодчине, становится возможным после определения жанровой природы фольклорных текстов на основе анализа всего спектра художественно-выразительных средств. При этом обнаружи-

¹ Мехнецов А. М. Предисловие // Устьянские песни / Сост. Мехнецов А. М., Мельник Е. И., Марченко Ю. И. Л.: Советский композитор, 1984. Вып. 2. С. 3.

ваются сложные связи лирики с другими жанрами, например, балладами и причитаниями.

Особого рассмотрения требуют вопросы функционирования лирических песен в традиции. Как свидетельствуют материалы фольклорных экспедиций последних десятилетий, «долгие» песни (как раннего, так и позднего историко-стилевого пласта) были приурочены к обрядам и праздникам календарного или семейного циклов, трудовым процессам. Исполнение их было строго регламентировано. Лирические песни раннего слоя, относящиеся к женской певческой традиции, занимали одно из центральных мест в масленичных, троицких и других календарных обрядах, что послужило основанием для их местных названий – «масленичные песни» (Городищенское сельское поселение Нюксенского района), «летние песни» (Уфтюгское сельское поселение Нюксенского района). Они заполняли обрядовое пространство и выполняли отведенную им ритуальную функцию. Песни позднего происхождения, как правило, функционировали в рамках обрядового праздничного застолья.

Якубовская Елена Ивановна
*старший научный сотрудник Фонограммархива
Отдела русского фольклора
Института русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН,
кандидат искусствоведения*

Народная традиция исполнения лирических песен на Устье: эстетические и музыкально-практические представления народных исполнителей¹

Исполнение песен, в особенности, лирических, в крестьянской среде издавна почиталось как искусство. Ф. М. Истомина, собиравший народные песни на рубеже XIX–XX веков, писал о существовании «целой области песенного дела со своим твердо установленным, само-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 12-04-00349а «Музыкально-поэтический фольклор Устья: проблема региональной составляющей севернорусской народной культуры (материалы к “Своду русского фольклора”)».

бытным, чисто русским словарем, указывающим на то, что в недавнем прошлом песенное дело у северных крестьян <...> являлось для них делом серьезным, привлекавшим к себе общее внимание и вполне сознательное отношение»¹. Наши наблюдения, сделанные через столетие, это подтверждают. Анализ высказываний народных исполнителей, записанных в фольклорных экспедициях Ленинградской консерватории в 1977–1978 годах, показывает, что жители Устьянского района Архангельской области (включая также соседние территории, исторически связанные с ними) обладали богатым комплексом представлений о песне и певческом искусстве. Эти представления существенно дополняют результаты изучения звукозаписей исполнения лирических песен, расширяя наши знания о творческом процессе в народной традиции.

***Мехнецова Ксения Анатольевна**
ведущий хранитель фондов
Фольклорно-этнографического центра
имени А. М. Мехнецова,
преподаватель кафедры этномузыкологии
Санкт-Петербургской государственной
консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова*

Песни с балладными сюжетами в традициях вологодско-архангельского пограничья²

Предметом исследования являются лирические песни с балладными сюжетами, зафиксированные в ходе экспедиционного обследования Устьянского района Архангельской области, а также соседних территорий Архангельской и Вологодской областей. Учитываются материалы фольклорных экспедиций 1970–1980-х годов Ленинградской (Санкт-Петербургской) консерватории в Устьянский и прилегающие районы, хранящиеся в фондах Фольклорно-этнографического центра имени

¹ Истомин Ф. М., Дютш Г. О. Песни русского народа: Собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 году / Записали слова Ф. М. Истомин, напевы Г. О. Дютш. СПб., 1894. С. XVII.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 12-04-00349а «Музыкально-поэтический фольклор Устья: проблема региональной составляющей севернорусской народной культуры (материалы к “Своду русского фольклора”)».

А. М. Мехнецова. Среди жанров песенного фольклора на указанной территории лирические песни занимают одну из центральных позиций. Анализируя поэтическое содержание песен, автор выявляет сюжеты, относящиеся к балладным. В их музыкальном наполнении преобладает стилистика, свойственная локальным традициям лирической песенности. Некоторые сюжеты, распространенные на большой территории, могут иметь разное мелодическое воплощение в отдельных локальных традициях (например, сюжет «Дочь-пташка»), что становится одним из опознавательных признаков данной традиции, наряду с другими показательными явлениями (например, варианты напевов лирической песни «Эко сердце» также имеют существенные отличия в локальных традициях). Такими же своеобразными для местных традиций оказываются и отдельные сюжеты, распространенные на ограниченной территории (например, баллада «Во женском монастыре», зафиксированная только на территориях, расположенных по течению реки Устьи).

В двух выпусках сборника «Устьянские песни», составленного участниками экспедиций 1970-х годов, А. М. Мехнецов определяет черты, свойственные песням двух групп – «молодецкой» и «девьей» лирики. На основе анализа музыкальных характеристик выявляется принадлежность песен с балладными сюжетами к той или иной группе. Преобладание черт молодецкой лирики в песнях с балладными сюжетами, по мнению автора доклада, может свидетельствовать о связи с эпическим наследием Русского Севера.

Дианова Татьяна Борисовна

*доцент кафедры
русского устного народного творчества
филологического факультета
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова,
кандидат филологических наук*

**Песня «Дочка-пташка» в этнокультурных традициях
Северо-Запада и других регионов России:
опыт сопоставления в целях построения
динамической модели сюжетного типа**

В работе впервые предложена типология текстообразующих моделей, лежащих в основе поликонтекстных (бытующих как в обря-

де, так и за его пределами) лирических песен. Одной из наиболее распространенных моделей, по которым строится текст необрядовой песни, является стяжение нескольких обрядовых сценариев, относящихся к разным «зонам» традиционной культуры, или нескольких частных элементов, восходящих к микроритуалам одного обряда. В этом заключается одна из культурно-обусловленных коммуникативных функций песен: обобщая содержание обряда, вынести его на более «высокий» уровень культурной традиции в символически преобразованном виде. Такой процесс, как правило, сопровождается комплексом текстовых трансформаций и жанровой перестройкой. При всей узнаваемости сюжета такие песни могут обнаруживать динамику, обеспечивающую разнообразие вариантов (как в пределах одного ареала, так и при сопоставлении типичных моделей из разных регионов). Существенным фактором, влияющим на становление вариантов, являются этнокультурные традиции региона в широком значении (степень сохранности обрядовых традиций, тип музыкального мышления, эстетические предпочтения и прочее). На примере песни на сюжет «Дочка-пташка» сделана попытка оценить характерные черты вариантов, бытующих в ряде регионов России (для чего произведен сопоставительный анализ песен Северо-Запада, Полесья и Поволжья).

Васильева Елена Евгеньевна
доцент кафедры
русского народного песенного искусства
Санкт-Петербургского государственного
университета культуры и искусств,
кандидат искусствоведения

Книжная песня в становлении корпуса песенной лирики севернорусских традиций

Лирика составляет одно из сокровищ песенных традиций Русского Севера; на протяжении полутора веков является предметом внимания собирателей, исследователей, исполнителей. Однако тайны этого вида фольклора далеки от разрешения: своеобразие «песенных школ» заставляет задуматься об истории их становления; общий сюжетный фонд создает другое ее измерение. Направления колониционных

потоков, присутствие этнических субстратов, особенности освоения земель, экономические связи являются важными вехами, но действуют опосредованно. Фольклористика пришла к необходимости если не разрешения, то постановки проблемы исторической динамики локальных традиций; об этом свидетельствуют активно включающиеся в научное пространство идеи «эталонной традиции» (А. Н. Власов) и «этнокультурных островов» (Е. А. Дорохова).

Разумным представляется исходное положение: становление лирики как вида – сложный и долгий процесс, в котором участвовали различные сферы интеллектуальной, духовной жизни. Наряду с универсалиями музыкально-поэтического языка устных традиций – реалии традиционного церковно-певческого искусства, литературные новации, впечатления обновляемого быта. Особую сложность создает активное преобразование всех входящих в него элементов. Так, наряду с сюжетом/композицией, структурно значимыми являются мотив и комбинации мотивов. В то же время интонационно-ладовые модели и вся иерархия музыкального языка, включая композицию строфы, способы развертывания напева, соотношение голосовых партий, соответствуют не единичному сюжету, но комплексу лирики в данной локальной традиции. Нельзя упускать из виду и то обстоятельство, что сюжеты/тексты бытовали на обширной территории (вплоть до песенных традиций засечной черты), причем в необрядовом фольклоре в целом – и в лирике, и в «хороводных»; музыкальное же их воплощение расходится столь разительно, что это родство, как правило, остается незамеченным.

Для разрешения этих задач представляется продуктивным привлечь свидетельства «параллельного мира»: книжной песни, рукописных песенников, духовной лирики. В устные песенные традиции входят некоторые тексты, узнаваемые фрагменты, образы; сложнее проследить импульсы интонационных зерен, строфики, принципов композиции. Для этого необходимы многочисленные опыты анализа и истолкования параллелей, как в музыкальной, так и в поэтической составляющих. Ссылаясь на опубликованные работы и приводя новые наблюдения, призываю к продолжению этого труда, результативность которого может быть обеспечена заинтересованностью и участием коллег.

Валова Мария Александровна
*преподаватель, заведующая Кабинетом
народного музыкального творчества
Кировского областного колледжа музыкального
искусства имени И. В. Казенина*

Старообрядческие мотивы в вятской бытовой песенной лирике

Небольшие старообрядческие общины различных согласий существуют в ряде районов Кировской области. На протяжении XIX–XX веков их связывало с нестарообрядческим населением проживание по соседству, участие в совместной работе, поездках, бытовых делах. В позднюю романсно-балладную лирику вятской деревни спонтанно проникают элементы старообрядческого духовного стиха и духовной песни. Необходимо обратить внимание на некоторую «привязку» подобных мотивов к наиболее экспрессивным лирико-драматическим сюжетам «мирского» балладного содержания.

Характерные особенности напева духовного стиха «О сожжении Содома» – строгая размеренность, переменный метр ($3/4 - 3/2$), повторы мелодического оборота (III–II–I–I–VII–VII–I), особая внутренняя экспрессивность напева – встречаются в напевах баллад, принадлежащих к различным сферам поздней бытовой лирики. Героиня нагорской баллады «Шоколадная конфетка, Маня, ягода моя» провоцирует героя на совершение убийства и самоубийства. В напеве – соединение повторенных диатонических окончаний строфы духовного стиха и нисходящих кварт драматической военной баллады «Знаю, ворон, твой обычай...». Несколько иное преломление тех же элементов стиха – в песне Уржумского района «Вечер поздно из лесочка». Верхошижемский вариант песни о черном вороне сжато контаминирует элементы военной баллады и «содомского стиха». В той же песне, записанной в Куменском районе, с духовным стихом перекликается лишь наиболее устойчивый элемент – переменный метр ($3/4 - 3/2$).

Подрезова Светлана Викторовна
научный сотрудник
Фольклорно-этнографического центра
имени А. М. Мехнецова
Санкт-Петербургской государственной
консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова,
кандидат искусствоведения

**«Городская песня» в севернорусской деревне:
к постановке проблемы и вопросы изучения
(на примере материалов экспедиций в Нюксенский район
Вологодской области)**

Не вызывает сомнения тот факт, что так называемые «поздние» или «городские» песни наряду с классическим фольклором являются неотъемлемой частью фольклорной традиции Русского Севера. Активное бытование романсовой лирики в севернорусской деревне отмечали все собиратели, начиная с первых исследователей народного быта и музыки (первая половина XIX века) и заканчивая собирателями XXI века, однако наши знания о месте подобных форм в локальных традициях за это время не слишком продвинулись вперед.

В фольклористике эта тема традиционно представляется в терминах влияния городской культуры на деревню, «порчи» и «засорения» народной песенной традиции зачастую малохудожественной песней, рожденной и «получившей прописку» в городе. Сама песня воспринимается как чужеродный элемент, посягающий на целостность фольклорной системы. Между тем, анализ материалов по многим локальным традициям выявляет иную – встречную тенденцию. В неклассическом песенном фольклоре прорастают черты традиционной песни: в слове, мелодике, фактуре и исполнительском облике. А интонации и ритмоформулы, характерные для городской музыкальной среды, получают песенное обобщение и своеобразное претворение.

Этот факт, во-первых, свидетельствует о продуктивности традиции, во-вторых, позволяет поставить вопрос об условности использования термина «городская песня» по отношению к данному явлению, в-третьих, делает его объектом ареальных исследований. Последнее становится возможным только при условии комплексного всестороннего изучения песен позднего слоя разных территорий.

В традиции Средней Сухоны (Нюксенский и часть Тотемского районов Вологодской области) упомянутая область фольклора за-

нимает особое место, которое определяется не только своеобразными чертами стиля и происхождением песен, но и спецификой их бытования. Отдельного внимания заслуживает репертуар, разнообразный по жанровому облику, поэтике, месту и времени возникновения и путям проникновения в деревенскую среду: фольклорная лирика, в том числе песенные версии стихов русских поэтов, песни солдатской и тюремной тематики, баллады, шуточные, песни-хроники, повествующие о жестоких преступлениях (иначе «новые баллады»), переделки советских песен и др. Многие из них получили широкое распространение, некоторые – характерны именно для территории Севера и Северо-Запада. В одной группе песен претворяются отдельные закономерности крестьянской лирической песенности (как женской, так и мужской традиций), другая группа типологически связана со строевыми песнями, в третьей группе специфика севернорусской традиции отражается мало.

V

**ПЕСЕННО-ХОРЕОГРАФИЧЕСКИЕ И
ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ
СЕВЕРА И СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ:
РЕЗУЛЬТАТЫ АРЕАЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ**

***Афанасьева Алла Борисовна**
доцент кафедры
художественного образования ребенка
Российского государственного педагогического
университета имени А. И. Герцена,
кандидат искусствоведения*

**Взаимодействие культур в музыкально-хореографическом
фольклоре Севера и Северо-Запада России:
этнокультурологические и этнопедагогические аспекты**

Процессы взаимодействия культур в народной хореографии рассматриваются, во-первых, в историко-вертикальном движении – на примере связей крестьянской и городской культур в развитии музыкально-хореографических форм: многофигурных хороводов и танцев. Во-вторых, прослеживаются гео-культурные, горизонтальные связи в хореографическом фольклоре на Северо-Западе России – на примере взаимодействия русского и карельского этносов. Освещается дилемма «свое» и «чужое» как в оппозиции: тезис «свое» – антитезис «чужое», так и во взаимопроникновении, слиянии «свое-чужое». Творческая адаптация французской кадрили в русских деревнях показывает, как «чужое» становится «своим», как многофигурная форма обогащается элементами крестьянской хореографии, как она отвечает эстетическим запросам молодежи того времени. Подобное происходит и с английской разновидностью кадрили – ланце. Взаимодействие городской и крестьянской хореографической культуры прослеживается в крестьянских танцах «метелица», «восемьёра», «шестёра», в поздних хороводах, которые целесообразно определить

как танцевальные хороводы. Подобные процессы прослеживаются и в карельской хореографии.

Этнокультурологические аспекты данной проблемы дополняются освещением этнопедагогических аспектов, необходимостью осмысления процессов взаимодействия культур в современном образовании. Раскрываются особенности методики «диалога культур» в учебно-методическом комплексе «Диалог», созданном для общеобразовательной школы на примере учебника «Музыка» (авторы: А. Б. Афанасьева, В. А. Шекалов, О. Е. Камынина). В нем углублены моноэтнические и полиэтнические этнокультурные аспекты. Этнокультура рассматривается как система, имеющая разветвленные внутренние и внешние связи элементов: между собой, с другими этнокультурами, между народной и профессиональной культурой различных эпох и стилей.

Федотовская Ольга Александровна

доцент

кафедры пения и музыкального образования

Вологодского государственного педагогического университета

Пляска «Парочка»: опыт культурологического исследования по материалам полевых экспедиций Центра традиционной народной культуры Вологодского государственного педагогического университета

В докладе представляются результаты изучения одного из видов народной хореографии Вологодского края – пляски «Парочка», которая является характерной для местных традиций Сокольского, Тотемского, Сямженского, Верховажского районов области.

Исследование позволило систематизировать экспедиционные материалы Центра традиционной народной культуры Вологодского государственного педагогического университета, Школы традиционной народной культуры города Вологды, а также выявить и записать новый документальный материал по функционированию данного вида пляски. Автор демонстрирует композиционные и знаково-выразительные особенности пляски «Парочка», показывает модель

мужского или женского плясового поведения, раскрывает представления народных исполнителей об образе пляшущей пары и «сценарии» развертывания их взаимоотношений, выявляет вариативную природу пляски. Методы исследования жанра народной хореографии основаны на понимании ценности фольклора не только как историко-этнографического явления, но и как значимой составляющей современной культуры. В рамках доклада будет продемонстрирован опыт практического освоения пляски «Парочка» фольклорными коллективами.

Михайлова Наталья Сергеевна
начальник отдела изучения
и музейной презентации фольклорного наследия
Государственного историко-архитектурного
и этнографического музея-заповедника «Кижь»

Заонежье в контексте традиционной хореографической культуры Карелии

Эпическая и причетная традиции Заонежья принесли краю всемирную «фольклорную» известность. Однако народная хореография осталась на периферии исследовательского внимания. Попытка реконструировать картину означенного пласта традиционной культуры основана на архивных и экспедиционных материалах, литературных источниках.

В традиционной культуре Заонежья можно выделить несколько хореографических форм, имеющих разновременное происхождение и бытование:

1) пляс – импровизационная форма народной хореографии, имеющая наиболее древнее происхождение и сохранившаяся до настоящего времени;

2) игровые и орнаментальные хороводы («Утушка», «Шестёрка», «Царевна», «Вьюнчик», «Круг», «Сорви голова» и др.), зафиксированные исследователями XIX века и практически вышедшие из употребления в XX веке;

3) многофигурные танцы (кадриль, ланцы) позднего происхождения, активно бытовавшие в конце XIX – первой половине XX века;

4) бытовые парно-массовые танцы («Краколя», «Падеспань», «Полька» и др.), получившие распространение в первой половине XX века.

Несмотря на ограниченность информации, сравнительный анализ образцов хореографической традиции русских заонежан и других народов Карелии позволяет говорить, с одной стороны, об общих формах и тесных взаимосвязях между различными этническими и этно-локальными группами, с другой – выделить некоторые специфические черты народной хореографии Заонежья.

Лоренц Ирина Георгиевна

*специалист по фольклору отдела этнографических программ и массовых мероприятий
Архангельского государственного музея
деревянного зодчества и народного искусства
«Малые Карелии»*

**Кадриль «Ширинского»
как составная часть деревенского игрища
(по материалам экспедиции в Шенкурский район
Архангельской области)**

В большие приходские праздники деревенская молодежь Шенкурского уезда Архангельской губернии (современный Шенкурский район Архангельской области) собиралась на игрища, которые проходили в зависимости от времени года в специально отведенных для этого местах. Зимой – в большой просторной крестьянской избе, летом – на открытом воздухе, на улице, в облюбованном еще предками месте: «в лужках» – на цветущем лугу у реки. Основным развлечением молодежи были игры, хороводы, пляски, кадрили, которые исполнялись в непрерывном движении под игровые песни.

В маленьком лесном поселке Клемушино на реке Сюма «ходили в кадриль» «Ширинского». Местные жители ее сохранили, а Шенкурский народный хор и детский фольклорный ансамбль «Кореннушка» переняли у них ее исполнение и включили в свой репертуар. Во время экспедиции в Шенкурский район старинная кадриль «Ширинского» изучалась участниками фольклорно-этногра-

фического театра «Новиця» музея «Малые Корелы», был проведен мастер-класс по ее освоению, зафиксированы три наигрыша на гармонии и шесть фигур танца. Приводим подробное описание схематических изображений фигур кадрили «Ширинского».

В настоящее время старинная кадриль воспроизводится в естественной среде деревенского ландшафта музея «Малые Корелы», благодаря коллективу «Новиця».

Гаджиева Айшат Ахмедовна
*хранитель коллекции
музыкальных инструментов,
научный сотрудник высшей категории
Отдела специализированного хранения
Российского этнографического музея*

Пастушеские аэрофоны народов Северо-Запада России и сопредельных территорий: к проблеме дифференциации региональных традиций (по материалам собрания Российского этнографического музея)

1. Преобладание в собрании тростевых инструментов из северо-западного региона России, амбушюрных – из севернорусского и северобелорусского регионов, равное число амбушюрных и флейтовых образцов из Верхнего Поднепровья может не отражать реальной картины бытования пастушеских аэрофонов.

2. Неоднозначность этнической и географической атрибуции некоторых памятников (пастушеское отходничество).

3. Влияние войсковых оркестров, городской музыкальной среды: проблема первичности и вторичности.

4. Ансамблевая форма музицирования. Границы, ареалы распространения, связи и параллели.

Мацевский Игорь Владимирович
заведующий сектором инструментоведения,
ведущий научный сотрудник
Российского института истории искусств,
заслуженный деятель искусств
Украины и Польши,
академик РАЕН и Международной Академии
информатизации,
доктор искусствоведения, профессор

Пастушеские аэрофоны Приладожья

В кругу традиционных музыкальных инструментов русских и вепсов Приладожья наиболее значительное место принадлежит аэрофонам, функционально связанным с пастушеской практикой. Они представлены всеми основными группами инструментов согласно Систематике Хорнбостеля-Закса: свободными аэрофонами, флейтами, трубами и шалмеем. Среди шалмеев как в русской, так и в вепсской традициях преобладают кларнеты (с надрезным языком на корпусе); у вепсов, как и у коми-зырян, известны также гобои. В обеих традициях распространен также знаковый инструмент финно-угорского мира – губнощелевые флейты, но вепсы помнят о разных стадияльных его разновидностях: без грифных отверстий, с одним, двумя и тремя. Трубы – из древесного ствола, натуральные, обертоновые; русские пастухи порой употребляли также медные сопрановые саксофоны (корнеты) с вентилями.

Основные жанры: сгонные (информационные и магические) сигналы; отпугивающие, охранительные и успокаивающие наигрыши; лирические композиции (т.н. «свои игры»). Взаимодействие этнических традиций сказалось и в этой сфере музыки, хотя наличие рунических мелодий в лирических пьесах русских пастухов отражает древние субстратные явления в этногенезе приладожских славян.

Калмыкова Юлия Юрьевна
ведущий специалист по фольклору
Фольклорно-этнографического центра
имени А. М. Мехнецова
Санкт-Петербургской государственной
консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова

**«Меня провожайте с гармонью»: частушки и наигрыши
в контексте похоронно-поминальной обрядности
средней Сухоны (Вологодская область)**

На территории средней Сухоны в результате многолетней экспедиционной работы Санкт-Петербургской государственной консерватории (СПбГК, ранее – ЛГК) и Вологодского государственного педагогического университета (ВГПУ, ранее – ВГПИ)¹ зафиксирована традиция похоронно-поминальной обрядности, содержащая развитую структуру ритуальных действий. Особый научный интерес представляют музыкальные формы, функционирующие в похоронно-поминальном обрядовом комплексе и выступающие в роли знаков, маркирующих его основные кульминационные точки. Кроме причитаний, имеющих в данной традиции большое распространение, существуют иные, актуальные в обряде, музыкальные формы. Таковыми являются наигрыши на гармони и частушки (под гармонь либо без нее). Появление этих жанров в ритуальных ситуациях похорон и поминовений сопряжено с их особой регламентацией. В среднесухонской традиции фактором, влияющим на включение наигрышей на гармони и частушек в данный обряд, оказывается «наказ», просьба умирающего как некий ритуальный императив. Звучание инструмента в этом случае сопровождало важные структурно-смысловые моменты дня похорон, связанные с передвижением, преодолением пространства: вынос гроба, дорога на кладбище. Также частушки и наигрыши могли исполняться в урочные и годовые поминальные дни как на кладбище, так и во время поминовения в доме.

¹ 1974–1975 годы – экспедиции ЛГК, научный руководитель Ф. А. Рубцов; 1987–1989 годы – совместная экспедиция ЛГК и ВГПИ, научный руководитель А. М. Мехнецов; 1980–1990-е годы – экспедиции ВГПУ (ВГПИ), научный руководитель Г. П. Парадовская; 2009–2010 годы – отдельные специализированные поездки.

Предварительный анализ музыкального материала позволяет выявить в данной традиции определенный тип наигрыша – «под песни», который мог звучать в контексте обозначенных нами ритуалов. Его исполнение могло сопровождаться частушками с соответствующей обрядовому действию тематикой. Необходимо также отдельно остановиться на особом статусе гармониста и тех, кому разрешалось петь на похоронах.

Наблюдаемое семантическое единство музыкальных форм, входящих в похоронно-поминальный обрядовый комплекс – причитаний, наигрышей на гармонии, частушек, – позволяет делать выводы о большей функциональной значимости инструментально-вокальных форм и мобильности «музыкального языка» традиции в целом, позволяющей регламентировано вносить изменения в звуковое поле обрядов.

Назина Инна Дмитриевна

*профессор кафедры белорусской музыки
Белорусской государственной академии музыки,
доктор искусствоведения*

Звуковые инструменты в погребально-поминальной обрядности белорусов

На основе изучения документальных источников разного исторического и географического происхождения впервые установлен факт использования в погребальной и поминальной обрядности белорусов разнообразных звукоинструментальных орудий. К их числу относятся жужжалка (постоянный атрибут длинных курганов на северо-западе Беларуси), звон и звонок, кута (однострунный щипковый хордофон), жалейка (Восточное Поозерье) и «свищик» (флейтовая дудка Восточного Полесья). За каждым похоронным инструментом в силу свойственных ему специфических темброво-динамических возможностей закреплена определенная функция: сакрально-охранительная, сигнально-коммуникативная, переходно-сопровождающая, фиксирующая «мелодию души» покойника. «Похоронно-поминальный» инструментализм принципиально отличается от вокальных голошений.

Михайлова Алевтина Анатольевна
доцент кафедры народного пения
и этномузыкологии
Саратовской государственной консерватории
имени Л. В. Собинова,
кандидат искусствоведения

К проблеме звукоидеала региональной инструментальной культуры: северная и волжская традиции (кирилловская и саратовская гармонии)

Термин «звукоидеал» как обобщающее фоническое понятие впервые применен Ф. Бозе («Klangideal») и включает в себе наиболее полное и точное отражение сложившихся в практике представлений о звучании. Каждая музыкальная культура вырабатывает свои совокупные представления о качестве звучания, то есть тембральные, артикуляционно-интонационные, технико-исполнительские, ладо-гармонические и музыкально-стилистические характеристики. Центральным элементом в звукоидеале является само звучание как таковое, взятое в комплексе рассматриваемых средств.

«Традиционный (этнический) звукоидеал» или «звукоидеал этнической музыкальной культуры» – это представление об идеале звучания у определенного этноса, сложившийся код, посредством которого становится возможным усвоение музыкальной информации в определенной культуре. В условиях конкретной музыкальной системы звукоидеал концентрирует в себе эстетический и социально-культурный опыт народа, являясь важным средством сохранения традиции.

В этой связи представляет особый интерес сравнительный анализ эстетики звукового пространства в гармошечной культуре Белозерья и Поволжья.

В ряду уникальных типов гармоник особое место принадлежит кирилловской хромке и саратовской гармонии. Кирилловская гармонь – яркий представитель инструментальной культуры Русского Севера. В своей работе «Кирилловская гармонь-хромка в традиционной культуре Белозерья» А. А. Мехнецов¹ убедительно раскрыл звукоидеал

¹ Мехнецов А. А. Кирилловская гармонь-хромка в традиционной культуре Белозерья. Вологда, 2005.

традиционных гармонистов Белозерья, основанный на конструктивных и артикуляционных особенностях (звукообразующих и акустических) свойствах инструмента, создающих объемный и мощный звук, а также на стилистике игры, в мелодико-гармонических и фактурных решениях. Семантика звучания ярко проявляется как в традиционных сферах жизни социума (обряды жизненного цикла, празднества), так и в нетрадиционных для этого инструмента сферах (похоронно-поминальная обрядность, пастушество, традиции нищей братии).

Семантика звучания саратовской гармоники определяет представление о звукоидеале традиционной инструментальной культуры русских Поволжья, татар этого региона, калмыков, ногайцев. На современном этапе названные этносы воспринимают ее как свой национальный инструмент, отвечающий их эстетическим запросам и органично внедрившийся в обрядовую сферу. В этом видится феноменальность саратовской гармоники, ставшей надэтническим инструментом и объединившей традиционные культуры народов Поволжья.

Ярешко Александр Сергеевич
*профессор, заведующий кафедрой
народного пения и этномузыкологии
Саратовской государственной консерватории
имени Л. В. Собинова,
доктор искусствоведения*

Колокольные звоны северной и волжской традиций: параллели и оппозиция

Важнейшей духовной базой искусства колокольных звонов русской традиции является православный церковный обряд. Выработанный веками, он стал незаменимым средством воспитания духовного единства народа, основой жизнестойкости традиции колокольного звона.

Другим истоком колокольного искусства служит народная культура. Отечественная колокольная музыка – это особая национально-специфическая форма искусства, являющаяся инструментальной разновидностью русского народного музыкального творчества.

Каноническая система музыки звонов для всех регионов страны, в том числе для северной и волжской традиций, выявляется в нескольких аспектах, среди которых важное значение имеют принци-

пы формообразования, выработанные в процессе развития данного искусства. Два формообразующих элемента колокольной музыки – сигнальность (благовест) и остинатность как стилистический прием развития – являются основой, своеобразным фундаментом традиций, служат фактором их единства.

Но северные звоны, центром традиции которых является Архангельск, несут свою эстетику, свой звукоидеал. Северные колокольные звоны, благодаря особым географическим условиям, своеобразию подколокольных сооружений, а отсюда – особому набору колоколов, стилю их переборов, обладают своими звуковыми формами. Наличие небольших по весу колоколов набора побуждает звонарей искать особые, ритмически рельефные, изящные комбинации. Не случайно в качестве зазвонного набора архангельские звонари используют так называемую «тройку», техника игры на которой отличается различными комбинациями движений правой руки. К особенностям архангельских колокольных звонов можно отнести значительную продолжительность колокольных композиций, их пространственность, относительную созерцательность, определенный лиризм.

В противоположность им, волжская звонная традиция, центром которой являются Астрахань и Саратов, обладает своей спецификой. В отличие от деревянных северных, волжские колокольни – это кирпичные сооружения, иногда высокие, многоярусные, предполагающие значительные по весу большие колокола. Но в качестве зазвонных выступают два относительно небольших колокола, так называемая «двойка», техника игры на которой отличается активностью, энергией. Также активна игра на средних и басовом колоколах, что в синтезе создает звуковую яркость, пульсирующую звонность переборов.

Исполнители искусства звонов – одаренные самобытные музыканты, продолжающие великую и неповторимую традицию отечественной колокольной музыки.

VI ВОПРОСЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ

Болдырева Вера Геоловна

*доцент кафедры музыкального искусства
Удмуртского государственного университета*

Об особенностях севернорусской песенной традиции на территории Камско-Вятского междуречья

Русская песенная традиция Камско-Вятского междуречья складывалась как многосоставное явление, интегрирующее разнородные элементы. Подобно другим системам позднего расселения русских, она объединяет ряд традиций, черты которых представляются либо «сглаженными», либо, напротив, устойчиво консервативными, в связи с длительными контактами с иноязычным окружением.

Анализ материалов известных археологических объектов и данные письменных источников указывает на три волны русских миграционных потоков:

- XVI–XVII века – начало движения переселенцев с верховьев Камы из Перми Великой и Вятской земли;
- XVII–XVIII века – на территории Среднего Прикамья зафиксированы выходы из дворцовых волостей Казанского и Уфимского уездов, Симбирской, Архангельской и Нижегородской губерний;
- конец XVIII – начало XIX века – дальнейшая миграция русского населения из Прикамья и Вятской земли на традиционно удмуртские территории, а также земли, «дотоле пустовавшие».

В районах, которые были освоены в конце XVIII – начале XIX века, мы наблюдаем существование узколокальных песенных систем, в которых «прочитываются» места выхода переселенцев, в том числе, с севернорусской этнической территории. Мы предполагаем, что наблюдаемая консервация возникла в результате воздействия финно-угорской среды. Традиция не только лучше сохраняется в пограничных местах проживания, но, кроме того, некоторые фольклорные явления, исчезнув у русских, продолжают жить в удмуртской среде, образуя в ней свои более или менее значительные ареалы.

Леонова Наталья Владимировна
исполняющая обязанности
профессора кафедры этномузыкознания
Новосибирской государственной консерватории
имени М. И. Глинки,
кандидат искусствоведения, доцент

Песни старообрядцев Васюганья в контексте традиций Северо-Запада России

Традиция старообрядцев Васюганья представлена фольклорно-этнографическими комплексами, бытовавшими на северо-западе Новосибирской области – в селах Бергуль, Платоновка Северного района и Макаровка Кыштовского района. Все три села образовались в начале XX века в ходе переселения старообрядческих общин из витебского и виленского регионов. Песенная культура васюганских старообрядцев объединяет в себе русские и белорусские элементы. С целью выяснения ее источников автором произведен поиск вариантов к записанным в Сибири песням (хороводным, лирическим, волочечным) в сборниках музыкального фольклора Севера, Северо-Запада, Запада, средней полосы России, Витебской и Могилёвской областей Беларуси, в материалах по русским старообрядцам стран Балтии. Сличение вариантов позволило определить ареалы наиболее близких к сибирским образцам песенных традиций: в Себежском, Невельском, Опочецком и Невельском районах Псковской области, в Зарасайском, Игналинском, Швенчёнском районах Литвы и в Даугавпилсском районе Латвии.

Рудиченко Татьяна Семёновна
профессор кафедры истории музыки
Ростовской государственной консерватории
имени С. В. Рахманинова,
доктор искусствоведения

Женская традиция пения «тонкими голосами» на Дону

Полевыми исследованиями 70–90-х годов XX века на Дону женское пение зафиксировано в разнообразных формах, что обусловлено широким жанровым спектром репертуара, в который входят как специфические для женской группы виды фольклора, так и общие («гуртовые») и собственно мужские песни. В многообразии певческих манер особого внимания заслуживает манера пения «тонким голосом» и с «тонким голосом». Она была распространена на большей части донской территории, за исключением северо-западных, граничащих с Украиной районов. В такой манере интонировались одиночные и групповые свадебные причитания, свадебные прощальные и величальные песни, «таношные».

Обрядовое пение – преимущественно функционально одноголосное (гетерофонное). Основной предпосылкой расслоений в напеве служит его орнаментация. Наряду с разветвлением голосов на одном высотном уровне (однорегистровая гетерофония) бытует и двухрегистровое пение, с дублирующим мелодию на октаву вверх «тонким голосом».

В протяжных песнях женского репертуара, исполняемых в среднем регистре, возникают и своеобразные формы полифонического многоголосия. На Северском Донце – от станицы Краснодонецкой до впадения Донца в Дон и в станицах, расположенных вниз и вверх по течению Дона, – распространение получило двухголосие, в котором основной, ведущий напев голос поют в грудной манере, а солирующий подголосок – в высоком регистре, и звучит он довольно сильно и пронзительно (станицы Нижне-Кундрюченская, Усть-Быстрианская, Мелиховская); от станицы Константиновской, в населенных пунктах вверх по течению Дона, пение более мягкое.

В районах, примыкающих к Цимлянскому водохранилищу, распространены и другие формы ансамблевого женского пения, когда запевале, поющему в грудной манере, противостоит пучок тонких голосов. Партия подголоска расслаивается, образуя гетерофонные

переплетения или эпизодическое двухголосие. Такое пение было распространено в старообрядческой среде.

Функция «тонкого голоса» в смешанных ансамблях типична и для репертуара мужских протяжных песен (бывший 1-й Донской округ и граничащие с ним поселения 2-го). «Тонкий голос» дублирует через октаву партию запевалы (среднего голоса или баса) и даже дисканта. Это придает звучанию чрезвычайно эмоционально приподнятый «гимнический» характер.

Описываемые или родственные им формы пения отмечены в традициях разных групп казачества, а также в целом ряде регионов России (нижнеокском, верхневолжском, северном). Во многих случаях прослеживаются исторические связи населения Дона с указанными территориями.

Гилярова Наталья Николаевна

*профессор,
заведующая кафедрой истории русской музыки,
заведующая и научный руководитель Научного
центра народной музыки имени К. В. Квитки
Московской государственной консерватории
имени П. И. Чайковского,
заслуженный деятель искусств РФ,
кандидат искусствоведения*

Свадебные песни юго-западных сел Калужской области в свете гипотезы Н. И. Лебедевой

Юго-западные районы Калужской области были названы одним из крупнейших советских этнографов, Н. И. Лебедевой, Калужским Полесьем. Тема доклада предполагает сравнение песен довенечной части свадебного обряда сел Калужской и Новгородской областей. На первый взгляд, такое географически отдаленное положение выбранных для исследования территорий, кажется странным. Но в 1920-е годы Н. И. Лебедева на основании изучения костюма, построек, видов прядения и ткачества высказала предположение о том, что, так называемые, полехи пришли на притоки Десны (в частности р. Болву) из Великого Новгорода.

Подтверждением теории Н. И. Лебедевой могут служить не только исторические данные (П. Третьяков считал, что заселение бассейна Верхнего Днепра, Припяти и Десны в начале эры шло с севера), но и открытость территорий в X–XII веках, когда через эти земли проходи-

ли торговые пути в Европу, Азию и Закавказье. Связь с новгородской землей прослеживается и в первой трети XIII века, когда черниговский князь Михаил Всеволодович (1223–1241) пытался установить контроль над Новгородом Великим (1225, 1228–1230) и Киевом (1235, 1238). В конце XIV столетия Брянское княжество и большая часть Калужского края были во владении Литовского государства.

Таким образом, история исследуемого ареала интересна именно миграционными процессами и этнокультурными контактами. Каждый исторический период, начиная с IX века, вносил свои особенности в становление традиционной культуры. Это послужило основанием для того, что нами были выбраны свадебные песни как наиболее архаичный пласт фольклора, бытующего на юго-западе Калужского края, в сравнении с песнями Новгородчины. Материал рассматривался с позиций сюжетов, положения песен в обряде и музыкально-поэтической стилистики. Села по рекам Россете, Жиздре, Болве, Десне, Навле долгое время демонстрировали необычайную архаичность быта. Даже сейчас, несмотря на разрушение традиционного социума, утерю обрядовой составляющей свадебных песен, последние остаются здесь одним из ведущих жанров (общее число песен, находящихся в нашем поле зрения, превышает 450 образцов). Доступный нам новгородский материал намного скромнее. Поэтому были отобраны преимущественно песни с тонической стиховой организацией. Сравнение новгородского и калужского материалов, выполненное по вышеупомянутым параметрам, во многом подтверждает гипотезу Н. И. Лебедевой.

Белогурова Лариса Михайловна

*ведущий научный сотрудник Проблемной
научно-исследовательской лаборатории
по изучению традиционных*

музыкальных культур,

*доцент кафедры музыкально-прикладного
искусства*

*Российской академии музыки имени Гнесиных,
кандидат искусствоведения*

**К вопросу о некоторых смоленско-псковских
свадебных изомелах**

Структурно-типологические и ареалогические исследования обрядовых песен традиционной свадьбы Смоленского Поднепровья позволили сделать вывод о неоднородном составе данной музыкальной

традиции. Местный свадебный репертуар складывается из нескольких пластов, каждый из которых, во-первых, обладает собственными музыкально-структурными особенностями, во-вторых, демонстрирует ареальные связи с различными областями восточнославянского мира. Это позволяет сделать вывод о том, что обнаруженные стилевые пласты свадебного музыкально-обрядового фольклора сформировались в разное историческое время, когда для исследуемой территории становились актуальными связи с теми или иными регионами Восточной Славии. Одним из наиболее значимых для свадебной культуры Смоленщины, в особенности для территорий днепровского правобережья и бассейна Западной Двины, является пучок изомел, связывающих ее с традициями русского Северо-Запада, в частности, псковскими. В докладе предпринимается попытка соотнести результаты этномузыкологического картографирования с данными смежных наук – истории, археологии, диалектологии, этнолингвистики.

Клименко Ирина Витальевна
заведующая Проблемной
научно-исследовательской лабораторией
по изучению народного музыкального творчества
Национальной музыкальной академии Украины
имени П. И. Чайковского,
кандидат искусствоведения, доцент

Полижанровые прочтения некоторых типовых силлаборитмических форм в украинско-белорусском ареале

Для украинской этномузыкологии со времен ее становления в начале XX века характерен структурно-типологический подход, связанный с именами С. Людкевича, К. Квитки, Ф. Колессы. Он основан на признании силлаборитмической формы главенствующим признаком определения песенного типа, который объединяет большие массивы традиционных напевов. Современные мелотипологические исследования выполняются чаще всего в двух ракурсах – жанровом либо региональном. Второй предполагает также первоначальную систематизацию регионального материала по жанровому признаку. В последние годы все чаще исследователи восточнославянского песенного фольклора описывают факты использования определенных музыкальных форм (прежде всего типовых силлаборитмических конструкций) в различ-

ных фольклорных жанрах. Были опубликованы выводы о том, что жанровые переосмысления чаще охватывают группы мелодий, близких по функции (например, типы календарных песен, приуроченных к весенне-летнему сезону – русальных и купальских, купальских и жнивных и пр.). Макроареалогические исследования обрядовых мелодий в украинско-белорусском раннетрадиционном меломассиве (УБРМ), проводимые в Национальной музыкальной академии Украины имени П. И. Чайковского, позволили обнаружить немалое количество фактов разножанровой «интерпретации» определенных мелодий со значительным «разбросом» как их функционального предназначения, так и ареалов распространения. Например, мелодии, построенные на 4-сложной ритмофигуре восходящего ионика, встречаются в двух далеко отстоящих регионах. Эта форма характерна для украинских щедровок правобережья Днепра (от правых притоков Вислы до Днепра), а также для купальских (иванских) песен, занявших компактную территорию в среднем течении Западной Двины (Поозерье). Ритмоформула «стрелы», широко известная как весенняя обрядовая, занимает весомое место в системе белорусских колядок, а также в реликтовых родинных напевах украинцев и белорусов.

Накопление фактов такого рода заставляет искать новые подходы к изучению соотношения «функция и структура», которое в последние десятилетия было принято в качестве основополагающего для установления жанров в традиционном песенном искусстве.

Кутырëва-Чубаля Галина Григорьевна

доцент

кафедры центральноевропейских исследований

Гуманитарно-Технической Академии

в Бельско-Бялой,

кандидат искусствоведения,

кандидат филологических наук

О межкультурных взаимодействиях в песенных традициях псковско-витебского пограничья

Псковско-витебское пограничье представляет собой монолитный и, в то же время, внутренне динамичный (изменчивый) в художественно-стилевом отношении культурно-песенный ареал. Общность и различия просматриваются в репертуарном составе и на всех уровнях

языка песни: вербально-текстовом, музыкально-лексическом (ритмика, мелодинтонация), композиционном (разновидности строф, сложных форм). Межзональные различия внутри ареала наиболее ярко проявляются в области слогоритмики, которая отражает жанрово-видовую природу песен.

В отдельных календарных напевах (коляды, масленицы) на территории Псковщины ярче выступает танцевальное начало, с более активной амплификацией, пунктирными ритмами. Отсюда появление переходных, вторичных форм и внедрение их в исходную среду. Для псковских песен заклчного характера, в сравнении с таковыми витебскими, характерны:

- слоговая редукция строк, синкопированность попевок-инципитов;
- включение хороводных рефренов внутри строф и прочее.

При сохранении основы, налицо более или менее явные «семантические перекодировки» (Б. Путилов). Межкультурный обмен осуществляется через исполнительский комплекс. Для заимствования певческих навыков, приемов интонирования и варьирования благоприятными являются условия свадьбы (участие двух родов, их свяжков), крестин, совместных (меж деревнями) празднеств, игрищ, ярмарок.

Ритмические изодоксы, изомелы имеют различную конфигурацию, направленность, границы. Одни охватывают территорию вплоть до северной Псковщины с новгородским приграничьем. Другие сосредоточены в южной Псковщине – либо плотно вдоль витебской границы, либо в единичных районах, образующих микрзоны со смежными районами Витебщины (Себеж – Верхнедвинск, Невель – Россоны). «Музыкальные приношения» в псковские земли имеют различное происхождение: днепро-сожское, двинско-неманское, полесско-припятское (подтверждается гидронимией). Есть указания археологов на миграции из Псковщины в южном направлении (В. Седов). Предстоит соотнесение этих выводов с данными этномузыкологии. Псковско-витебский песенный массив содержит до-славянский пласт (в основном, балтский) и славянские культурные напластования различных периодов. Изучается проблема ассимиляций и «сопротивления ассимиляции» (В. Елатов).

Лапин Виктор Аркадьевич

*ведущий научный сотрудник сектора фольклора
Российского института истории искусств,
доктор искусствоведения*

Межэтнические этнокультурные взаимосвязи фольклорных традиций: структурные механизмы и типология

Русские фольклорные традиции Севера и Северо-Запада России, как и большого числа других регионов русской этнической территории, обладают для исследователей межэтнических контактов и взаимосвязей традиционной культуры значительным эвристическим потенциалом. К сожалению, этот потенциал реализован лишь в самой малой мере. В отечественном народоведении уже имеется несколько концепций изучения подобной проблематики, например, в этнографии (С. А. Арутюнов), в этнолингвистике (А. С. Герд). Задача автора настоящего сообщения — показать возможности и перспективы подобного рода исследований в фольклористике и этномузыковедении. Но прежде всего, опираясь на то, что уже сделано фольклористами по этой проблеме, попробуем сформулировать некоторые общие предварительные соображения.

Во-первых, приходится постоянно иметь в виду то обстоятельство, что основная часть контактов и взаимосвязей уже совершилась ранее, когда фольклорные традиции контактировавших этносов были еще не в таком угнетенно-угасающем состоянии, как сейчас. И, стало быть, имея дело, прежде всего, с результатами контактов, мы должны выработать методики реконструкции самих этих процессов.

Во-вторых, этносы контактировали не полными жанровыми корпусами (вроде стенок в хороводно-игровом «Просе»); контакты начинались в тех жанрово-видовых слоях традиции, которые находились в продуктивной стадии своего существования-развития.

В-третьих, взаимодействие и заимствования в области песенного фольклора на вербальном и музыкальном уровнях происходили по-разному, с разной интенсивностью и разной же степенью фонетической трансформации, приспособления поэтических текстов. Тут,

конечно, имеет значение степень близости или удаленности языковых систем.

В-четвертых, интенсивность и продуктивность контактов в различных локальных традициях в большой степени зависели от носителей традиции, от их личностных свойств (голос, память, жизненная активность и т.п.) и еще от множества бытовых случайностей. Один пример: в компактной группе деревень южных вепсов (носителей традиции фольклорного двуязычия), дед народной певичцы, с которой мне довелось работать, был известным в округе свадебным дружкой (naittaa); девочка-подросток (а потом уже и девушка – участница свадеб в качестве певичцы) много раз во время совершения обрядов слышала русские свадебные приговоры и, обладая хорошей памятью, твердо их запомнила. Ко времени нашей встречи ей было уже хорошо за 70 лет, но она, с трудом говоря в бытовом общении по-русски, легко, без запинки, воспроизвела для записи 6–7-минутный русский текст приговоров!

Наконец, в-пятых, совершенно другие механизмы взаимодействия включались в сфере традиционных инструментов, инструментального и вокально-инструментального музицирования.

Локальные очаги подобных контактных зон требуют интенсивной собирательской и аналитической работы, которая, может быть, когда-нибудь приведет нас к типологии межэтнических контактов.

Краснопольская Тамара Всеволодовна
профессор кафедры истории музыки
Петрозаводской государственной консерватории
имени А. К. Глазунова,
заслуженный деятель искусств РФ
и Республики Карелия,
кандидат искусствоведения

Из опыта исследования межэтнических связей в певческом искусстве Карелии и сопредельных земель

Северо-Запад России представляет область, где в процессе движения населения, охватившего в начале второго тысячелетия север Европы, в полиэтнических потоках, шедших из Приботнии, Приладжья, псковско-новгородских земель, с особой активностью складывались и распадались многочисленные, более или менее проч-

ные людские единства. Осваивая новые земли, они создавали свою культурно-хозяйственную среду ареального типа и нередко покидали ее, в поисках новых мест обитания. Следы же их деятельности нередко долго сохранялись, как сохранилась на Северо-Западе культура могильных курганов чуди.

Пути миграционных потоков устремлялись на Югру и Печору, куда вел Волочёк Кенский, проложенный на границе Заонежской половины Обонежской пятины Новгородской земли и Заволочья. Именно на землях Карелии, где вошли в соприкосновение носители разных этнических культур — карелы, вепсы, русские — долгое время сохраняются древние следы их культуры. На них наслаиваются следы более поздних миграционных передвижений, вызванных политическими конфликтами на границе со Швецией и другими событиями средневекового Российского государства. При этом культура этих земель продолжает сохранять свой ареальный характер, — и в силу четко выраженной оппозиции «свое» — «чужое» на уровне этнических различий их поселенцев, и в силу разного времени их укоренения на современных местах проживания, и в силу особенностей географического ландшафта, вынуждающего людей селиться «в розни», на больших расстояниях друг от друга.

Собиратели традиционной культуры стали фиксировать ее множественные ареальные проявления только на рубеже XIX—XX веков. Ареальные же исследования стали достоянием науки только в XX веке. Показательно, что издательская практика долго оставалась ориентированной на широкомасштабную презентацию каждого солидного исследования.

Опыт исследования локальных традиций позволяет автору предложить рабочую модель плана этномузыковедческого ареального исследования, который может стать полезным методическим пособием. Ареальное исследование может сложиться только на высоком уровне знания традиции во всех ее этнических проявлениях. Такой уровень достигается в процессе осмысления содержания множества зафиксированных фольклорных фактов, что подразумевает выполнение многочисленных аналитических процедур, связанных с определением типических форм каждого уровня песенного текста (анализ структуры стиха и поэтического текста в целом; анализ слоговой музыкально-ритмической формы напева и его ладовой структуры; типа многоголосной фактуры и т. п.). Проведение этих процедур требует строгой последовательности и полноты. На этом основании дается характеристика мелодических типов всех этнических традиций и их соотношения между собой. Разумеется, параллельно с этим должно идти изучение историко-этнографической литературы.

Обобщению всех получаемых многочисленных данных может способствовать обращение к научным концепциям, связанным с изучением данного региона, например, историко-этнографической концепции «вторичной архаики» К. В. Чистова и основ регионоведения, разработанных А. С. Гердом и Г. С. Лебедевым. Последние открывают возможности современной трактовки проблемы межэтнических связей и включения результатов этномузыковедческого анализа в освещение путей сложения локальных групп населения изучаемого региона и этнических характеристик создаваемых ими локальных песенных стилей.

Карпова Галина Михайловна
*специалист I категории кафедры культурологии
Петрозаводского государственного университета*

**Саамские импровизации-лывьт и коми-ижемские песни
на Кольском полуострове:
к вопросу об этнокультурных параллелях двух народов**

В конце XIX века на исконные земли саамов Кольского полуострова в поисках более сытных пастбищ для оленей пришли коми-ижемские семьи с самобытной духовной, материальной и музыкальной культурой. Вопросы этнокультурных параллелей и взаимосвязей двух северных оленеводческих народов, которые на протяжении полутора столетий мирно сосуществуют на Кольской земле, поднимаются впервые.

Альмеева Наиля Юнисовна

*старший научный сотрудник сектора фольклора
Российского института истории искусств,
кандидат искусствоведения*

**Обрядовый фольклор этнических пограничий
волго-уральской контактной зоны (тюрки и финно-угры):
к становлению методологии изучения**

Волго-уральский регион — древняя контактная зона, исторически сложившаяся как полиэтническая, позже — как поликонфессиональная.

И сегодня регион пестрит этническими и конфессиональными пограничьями, которые оказываются проходимыми и которые ставят перед наукой вопросы этнической идентификации песенного материала.

Исследованию этнических пограничий должны предшествовать исследования локальных традиций соседствующих культур, а общеэтническим описаниям традиционного фольклора — ареальные исследования каждой культуры.

Соколова Алла Николаевна

*профессор Института искусств
Адыгейского государственного университета,
заслуженный деятель искусств Республики
Адыгея,
член-корреспондент РАЕ,
доктор искусствоведения*

**К проблеме «ареальных границ» и «фольклорных островов»
в этномузыкологии**

На обсуждение выносятся несколько вопросов. Один из них — когда и почему возникла тема «ареальных границ», как она трактовалась в научной литературе XIX — начала XX веков, каким образом

была переосмыслена во второй половине XX века и как трактуется в настоящее время.

Второй вопрос связан с описанием методических оснований для выявления этнокультурных границ. Определяется вклад ученых XX–XXI веков в поисках создания универсальной системы описания музыкально-этнографических материалов, анализируется роль различных методов, используемых в ареальных исследованиях.

В качестве третьего вопроса обсуждаются результаты ареальных исследований региональных систем в отечественном этномузыкознании и раскрываются актуальные для настоящего времени проблемы. Некоторые из них – проектирование долгосрочных программ и коллективное творчество в реализации проектов; использование ресурсного потенциала научных фондов и средств ЮНЕСКО для масштабного ареального «сканирования» музыкально-этнографических текстов; создание электронного музыкально-этнографического атласа России и другие.

Возможность представления результатов ареальных исследований региональных систем определяется степенью решения задач, сформулированных в трудах Е. В. Гиппиуса: 1) первичная классификация региональных видов музыкально-этнографических традиций, создание рабочей модели песенных систем; 2) сведение полученных данных в общую рабочую музыкально-диалектологическую карту на основе признаков региональных системных типов песенных жанров; 3) составление трех вспомогательных музыкально-диалектологических карт, уточняющих установленные региональные формы жанровых систем с учетом только одного признака. В качестве трех важнейших признаков ученый выделил региональную жанровую терминологию; жанровые виды слоговых и внутрислоговых форм песенной мелодики в каждой региональной традиции; региональные жанровые виды фактур совместного пения, точно установленные по партитурным нотациям.

Ареальные исследования инструментальных традиций должны учитывать музыкальный инструментарий и ансамблевые группы внутри традиции, жанровую систему в ее «привязанности» к обрядовой/необрядовой практике и связи с другими видами творчества.

Вместе с тем важно учитывать и современные зарубежные идеи о происхождении «фольклорных островов» как свидетельствах исчезнувших региональных систем (И. Жордания).

Содержание

От редактора.....3

I. Ареальные исследования фольклорных традиций: основные направления и методы, страницы истории

<i>Теплова И. Б.</i> Локальные традиции Русского Севера в материалах Песенной комиссии Императорского Русского географического общества.....	5
<i>Щупак Г. Н.</i> Музыкально-этнографическая экспедиция пермского Научного этнографического общества на Печору (из истории фольклористики).....	6
<i>Власов А. Н.</i> Значение работы исследователей-краеведов в изучении локальной традиции (на примере материалов по Устьянскому району Архангельской области).....	8
<i>Королькова И. В.</i> Устьянская экспедиция Е. Э. Линёвой в свете полевых записей второй половины XX века.....	10
<i>Валевская Е. А.</i> Фольклор Устья в документальных записях экспедиций Ленинградской консерватории 1970-х годов (общая характеристика коллекций).....	12
<i>Лобкова Г. В.</i> Традиции народной культуры Устьянского района Архангельской области в синхронном и диахронном срезе.....	14
<i>Редькова Е. С.</i> К вопросу о «звуковом идеале» песенной традиции Нижней Устья: по материалам фольклорных экспедиций Санкт-Петербургской (Ленинградской) консерватории в Устьянский и Вельский районы Архангельской области.....	16
<i>Дранишкова Н. В.</i> К вопросу о методологии ареальных исследований: опыт работы Центра изучения традиционной культуры Европейского Севера.....	17
<i>Иванова А. А.</i> Полимасштабность как феномен пространственной структурированности живой фольклорной традиции.....	18
<i>Сысоева Г. Я.</i> Ареальные исследования в этномузыкологии: на пути к обобщениям.....	20
<i>Ромодин А. В.</i> Личное и традиционное в локальной музыкальной культуре.....	21
<i>Сивова В. М.</i> Фольклорные традиции Русского Севера как важнейший компонент в создании петербургской школы народного пения. Педагогическая деятельность А. А. Эповой (1903–1982).....	22

II. Результаты ареальных исследований эпических традиций и жанров народной прозы

<i>Левкиевская Е. Е.</i> Проблемы диалектного изучения севернорусской мифологии.....	23
--	----

<i>Иванова Т. Г.</i> Водская пятина – эпический регион?.....	24
<i>Кузнецова В. П.</i> Традиции духовных стихов в Заонежье.....	26
<i>Шейченко М. Н.</i> Особенности напевов духовных стихов Беломорья в записях Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.....	27
<i>Склярова Е. А.</i> Духовные стихи в традиционной культуре старообрядцев Верхокамья.....	28
<i>Якименко Т. С.</i> Календарно-песенная эпика Подвинья в свете ареальных исследований.....	30
<i>Конкка А. П.</i> Заговоры и магические действия по поднятию лемпи – эротической привлекательности в народной традиции карел.....	31

III. Обрядовый фольклор Севера и Северо-Запада России: вопросы типологии и картографирования; выявление этнокультурных связей

<i>Ильина Ю. Н.</i> Лексико-семантические средства выражения концептуальной обрядовой прагматики в севернорусских похоронно-поминальных причитаниях.....	33
<i>Балуевская С. В.</i> Похоронные и поминальные причитания в народных традициях Вологодской области.....	34
<i>Канева Т. С.</i> Указатель тем и мотивов как способ представления репертуара причитаний (на материале свадебных плачей Печоры).....	36
<i>Марченко Ю. И.</i> Напевы групповых причитаний свадебного обряда в междуречье Северной Двины и Ваги.....	37
<i>Резниченко Е. Б.</i> Региональная специфика групповой причеты Беломорья...39	
<i>Косырева С. В.</i> Причитания вепсов: опыт выявления локальных стилей...40	
<i>Данченкова Н. Ю.</i> Ареальная традиция плача и творчество мастера- исполнителя (с. Татарово Муромского района Владимирской области)...40	
<i>Калинина М. В.</i> Свадебный обряд Средней Устьи: проблемы типологии и картографирования песенных и причетных напевов.....	41
<i>Москвина О. И.</i> Музыкально-поэтические формы песенного интонирова- ния в свадебном обряде Поддорского района Новгородской области...42	
<i>Крашенинникова Ю. А.</i> Из опыта картографирования свадебного обряда (на примере русских свадебных приговоров).....	43
<i>Миронова В. П.</i> Севернокарельские свадебные руны.....	44
<i>Молчанова Т. С.</i> Русские песни в традиционной свадьбе сойкинских ижор.....	45
<i>Енговатова М. А.</i> Закамские свадебные прощальные песни как северное явление.....	46
<i>Калужникова Т. И.</i> Лексика и фразеология среднеуральской свадьбы в контексте обрядовой терминологии европейских традиций России...47	
<i>Голубева М. С.</i> Свадебно-обрядовый комплекс русских сел Республики Башкортостан: к вопросу о севернорусских истоках традиции.....	49
<i>Петкова-Марчевская С. Г.</i> Обрядовые гадания девушек в традиционной культуре восточных и южных славян.....	50

<i>Рейма О. Я.</i> Формы возгласного интонирования в масленичном обрядовом комплексе (по материалам экспедиций в Вологодскую область).....	51
<i>Полякова А. В.</i> Музыкальный фольклор в календарно-обрядовом комплексе устьянской традиции.....	52
<i>Тавлай Г. В.</i> Обрядовые напевы белорусской традиции в Латгалии и пограничных локусах (этномузыковедческая и языковая атрибуция)..	54

IV. Лирические песни в традициях Севера и Северо-Запада России

<i>Парадовская Г. П.</i> Лирические песни Вологодского края: историко-стилевая характеристика.....	58
<i>Якубовская Е. И.</i> Народная традиция исполнения лирических песен на Устье: эстетические и музыкально-практические представления народных исполнителей.....	59
<i>Мехнецова К. А.</i> Песни с балладными сюжетами в традициях вологодско-архангельского пограничья.....	60
<i>Дианова Т. Б.</i> Песня «Дочка-пташка» в этнокультурных традициях Северо-Запада и других регионов России: опыт сопоставления в целях построения динамической модели сюжетного типа.....	61
<i>Васильева Е. Е.</i> Книжная песня в становлении корпуса песенной лирики севернорусских традиций.....	62
<i>Валовая М. А.</i> Старообрядческие мотивы в вятской бытовой песенной лирике.....	64
<i>Подрезова С. В.</i> «Городская песня» в севернорусской деревне: к постановке проблемы и вопросы изучения (на примере материалов экспедиций в Нюксенский район Вологодской области).....	65

V. Песенно-хореографические и инструментальные традиции Севера и Северо-Запада России: результаты ареального изучения

<i>Афанасьева А. Б.</i> Взаимодействие культур в музыкально-хореографическом фольклоре Севера и Северо-Запада России: этнокультурологические и этнопедагогические аспекты.....	67
<i>Федотовская О. А.</i> Пляска «Парочка»: опыт культурологического исследования по материалам полевых экспедиций Центра традиционной народной культуры Вологодского государственного педагогического университета.....	68
<i>Михайлова Н. С.</i> Заонежье в контексте традиционной хореографической культуры Карелии.....	69
<i>Лоренц И. Г.</i> Кадриль «Ширинского» как составная часть деревенского игрища (по материалам экспедиции в Шенкурский район Архангельской области).....	70

Гаджиева А. А. Пастушеские аэрофоны народов Северо-Запада России и сопредельных территорий: к проблеме дифференциации региональных традиций (по материалам собрания Российского этнографического музея).....	71
Маицевский И. В. Пастушеские аэрофоны Приладожья.....	72
Калмыкова Ю. Ю. «Меня провожайте с гармонью»: частушки и наигрыши в контексте похоронно-поминальной обрядности средней Сухоны (Вологодская область).....	73
Назина И. Д. Звуковые инструменты в погребально-поминальной обрядности белорусов.....	74
Михайлова А. А. К проблеме звукоидеала региональной инструментальной культуры: северная и волжская традиции (кирилловская и саратовская гармонии).....	75
Ярешко А. С. Колокольные звоны северной и волжской традиций: параллели и оппозиция.....	76

VI. Вопросы межэтнических взаимосвязей и этнокультурных параллелей

Болдырева В. Г. Об особенностях севернорусской песенной традиции на территории Камско-Вятского междуречья.....	78
Леонова Н. В. Песни старообрядцев Васюганья в контексте традиций Северо-Запада России.....	79
Рудиченко Т. С. Женская традиция пения «тонкими голосами» на Дону.....	80
Гилярова Н. Н. Свадебные песни юго-западных сел Калужской области в свете гипотезы Н. И. Лебедевой.....	81
Белогурова Л. М. К вопросу о некоторых смоленско-псковских свадебных изомелах.....	82
Клименко И. В. Полижанровые прочтения некоторых типовых силлаборитмических форм в украинско-белорусском ареале.....	83
Кутырёва-Чубаля Г. Г. О межкультурных взаимодействиях в песенных традициях псковско-витебского пограничья.....	84
Лалин В. А. Межэтнические этнокультурные взаимосвязи фольклорных традиций: структурные механизмы и типология.....	86
Краснопольская Т. В. Из опыта исследования межэтнических связей в певческом искусстве Карелии и сопредельных земель.....	87
Карпова Г. М. Саамские импровизации-лывьт и коми-ижемские песни на Кольском полуострове: к вопросу об этнокультурных параллелях двух народов.....	89
Альмеева Н. Ю. Обрядовый фольклор этнических пограничий волго-уральской контактной зоны (тюрки и финно-угры): к становлению методологии изучения.....	90
Соколова А. Н. К проблеме «ареальных границ» и «фольклорных островов» в этномузыкологии.....	90

Фольклорные традиции Севера и Северо-Запада России:
ареальные исследования в контексте этнокультурных взаимосвязей:
Тезисы докладов Всероссийской научной конференции
(27–30 сентября 2014 года)

Научный редактор: Г. В. Лобкова
Редакционная коллегия:
И. В. Светличная, М. С. Голубева (ответственные редакторы)

Печатается по решению Редакционно-издательского совета
Санкт-Петербургской государственной консерватории
имени Н. А. Римского-Корсакова

Редактор: Л. В. Кишнес

Рецензенты:
кандидат искусствоведения Анна Фёдоровна Некрылова,
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
доктор искусствоведения, профессор Зивар Махмудовна Гусейнова,
Санкт-Петербургская государственная консерватория
имени Н. А. Римского-Корсакова

Оригинал-макет: М. С. Голубева

Дизайн обложки: С. В. Булкин

Подписано в печать 22.09.2014.
Формат бумаги 145х205 1/16. Печать цифровая. Объём 6 п. л.
Бумага офсетная, плотность 80 г/м².
Обложка: картон Кристалл Борд, плотность 300 г/м².
Тираж 100 экз. Заказ № 694.

Университетские Образовательные Округа

Отпечатано с готового оригинал-макета,
предоставленного ответственными за выпуск,
в типографии МС-Принт,
Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 64.
Тел.: (812) 313-24-09.